

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ
СЛЕПЫХ»**

ИННОВАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ТЕРРИТОРИЯ ЧТЕНИЯ

Выпуск 9.

ЮБИЛЕИ И ЮБИЛЯРЫ

2016 ГОДА

Ростов-на-Дону

2015

ББК 78.3
Т35

Территория чтения. Вып.9: Юбилеи и юбиляры 2016 года:
Метод. пособие / Ростов. обл. спец. б-ка для слепых; сост. И.А.
Гетажаева. – Ростов н/Д, 2015. – с. 96.

Пособие содержит материалы в помощь проведению мероприятий, приуроченных к юбилейным датам выдающихся представителей литературного мира.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ	4
НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ ЛЕСКОВ	16
АРКАДИЙ ТИМОФЕЕВИЧ АВЕРЧЕНКО	37
ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ ДЕРБЕНЕВ	41
МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ	50
АЛЕКСАНДР МЕЛЕНТЬЕВИЧ ВОЛКОВ	62
ИГОРЬ МИРОНОВИЧ ГУБЕРМАН	66
ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ МЕРЕЖКОВСКИЙ	68
СЕРГЕЙ ДОНАТОВИЧ ДОВЛАТОВ	77
ЮЛИАН СЕМЕНОВИЧ СЕМЕНОВ	81
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДУДИН	85
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФАДЕЕВ	88

15 ЯНВАРЯ
125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ОСИПА ЭМИЛЬЕВИЧА МАНДЕЛЬШТАМА,
РУССКОГО ПОЭТА,
ПРОЗАИКА, ЭССЕИСТА,
ПЕРЕВОДЧИКА И
ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА
(1891-1938)

«Чтобы вырвать век из плена...»

Литературный вечер, посвященный О.Э. Мандельштаму

ЧТЕЦ: Памяти Мандельштама:

Нетленной мысли исповедник,
Господней милостью певец,
Стиха чеканного наследник,
Последний пушкинский пленец!
Он шел, покорный вышним силам
Во след горящего столпа...
Над чудаком, больным и хилым,
Смеялась резвая толпа.

В холодном хоре дифирамбов
Его аккорд не прозвучал,
Лишь океан дыханью ямбов
Дыханьем бури отвечал,
Лишь он, великий, темноводный
Пропел последнюю хвалу
Тому, кто был душой свободной
Подобен ветру и орлу.
Несокрушимей сводов храма
Алмазный снег, сапфирный лед.
И полюс в память Мандельштама
Сиянья северные льет.

Е. М. Тагер

ВЕДУЩИЙ (1): Путь большого художника всегда символичен. И чаще всего, особенно в России, - горек. Покончили с собой Есенин и Маяковский, в нищете умер Хлебников, травили Ахматову и Пастернака, в лагере погиб Мандельштам. Он был человеком из толпы, жил и погиб «с гурьбой и гуртом», разделил судьбу многих.

ВЕДУЩИЙ (2): Имя поэта для широкого круга читателей было открыто лишь лет десять назад. Осип Эмильевич Мандельштам считал, что его истинный собеседник – не «друг в поколении», но «читатель в потомстве». Так и случилось.

ЧТЕЦ:

Довольно лукавить: я знаю,
Что мне суждено умереть;
И я ничего не скрываю,

От Музы мне тайн не иметь...

И странно: мне любо сознание,

Что я не умею дышать;

Туманное очарование

И таинство есть – умирать...

И в зыбке качаюсь дремотно

И мудро безмолвствую я:

Решается бесповоротно

Грядущая вечность моя!

ВЕДУЩИЙ (2): Это стихотворение, написанное в 1909 году, пророчески отразило трагическую судьбу поэта.

ВЕДУЩИЙ (1): Осип Манделъштам родился в Варшаве 2 января 1891 года, в еврейской семье, ведущей начало от курляндской ветви знаменитого раввинского рода Манделъштамов, давшей миру известных врачей и физиков, переводчиков Библии и знатоков литературы.

Его отец, Эмиль Вениаминович Манделъштам, купец I гильдии, торговец кожей, самостоятельно изучил русский и немецкий языки, читал Шиллера и Гете в подлиннике.

Его мать, Флора Осиповна, в девичестве Вербловская, родилась и выросла в Вильне. Она была учительницей музыки, обладала тонким художественным вкусом и сумела передать своим детям любовь к музыке и русской литературе.

Будущий поэт закончил Тенишевское училище в Петербурге, откуда вышли многие деятели отечественной культуры. Затем учился во Франции и Германии. Стихи Манделъштам начал писать с 1906 года. Первые его произведения были опубликованы в 1910 году в журнале «Аполлон», а в 1913 году вышел сборник под названием «Камень», включивший 23 стихотворения. Книга имела большой успех.

ЧТЕЦ:

Из омута злого и вязкого

Я вырос, простышкой шурша, -

И страстно, и томно, и ласково

Запретною жизнью дыша.

И никну, никем не замеченный,

В голодный и тонкий приют,

Приветственным шелестом встреченный

Коротких осенних минут.

Я счастлив жестокой обидою,

И в жизни, похожей на сон,

Я каждому тайно завидую

И в каждого тайно влюблен.

1910 г.

ВЕДУЩИЙ (2): Как и большинство русских поэтов, в своих стихах он откликнулся на события 1914 – 1918 годов.

В конце 1914 года Мандельштам отправился в Варшаву, стремясь добраться до фронта и служить санитаром. А когда ничего не вышло, хотел покончить жизнь самоубийством. В январе 1915 года поэт возвратился в столицу и сотрудничал в «Союзе Городов» - либеральной военной организации.

ВЕДУЩИЙ (1): В дни Октябрьского переворота поэт оставался в Петербурге.

ЧТЕЦ:

Прославим, братья, сумерки свободы,

Великий сумеречный год!

В кипящие ночные воды

Опущен грязный лес тенет.

Восходишь ты в глухие годы, -

О, солнце, судия – народ.

Прославим роковое бремя,

Которое в слезах народный вождь берет.

Прославим власти сумрачное время,

Ее невыносимый гнет.

В ком сердце есть – тот должен слышать, время,

Как твой корабль ко дну идет...

ВЕДУЩИЙ (2): С марта 1918 года Осип Мандельштам живет в Москве. Этот город много значил для поэта. Он его привлекал и отталкивал. Были моменты, когда Мандельштам любовался столицей, в другое время она его раздражала и пугала. Об этом читаем в воспоминаниях Анны Ахматовой: «Восхищение, раздражение, интерес, тревогу, тоску, иронию, негодование можно обнаружить в московских стихах и прозе Мандельштама, не найти в них только одного – безразличия.

Я чувствую Петербург, Пастернак – Москву, а Осипу дано и то и другое».

ЧТЕЦ:

...Век. Известковый слой в крови больного сына

Твердеет. Спит Москва, как деревянный ларь,

И некуда бежать от века-властелина...

Снег пахнет яблоком, как встарь.

Мне хочется бежать от моего порога.

Куда? На улице темно,

И, словно сыплют соль мощеною дорогой,

Белеет совесть предо мной.

По переулочкам, скворешням и застрехам,

Недалеко, собравшись как-нибудь, -

Я, рядовой седок, укрывшись рыбьим мехом,

Все силюсь полость застегнуть.

Мелькает улица, другая,

И яблоком хрустит саней морозный звук,

Не поддается петелька тугая,

Все время валится из рук.

Каким железным, скобяным товаром

Ночь зимняя гремит по улицам Москвы,

То мерзлой рыбою стучит, то хлещет паром

Из чайных розовых – как серебром плотвы!

Москва – опять Москва.

Я говорю ей: «Здравствуй!

Не обессудь, теперь уж не беда,

По старине я уважаю братство

Мороза крепкого и щучьего суда».

ВЕДУЩИЙ (1): Живя в Москве, он знакомится со многими деятелями новой власти, заведует подотделом художественного развития учащихся в Наркомпросе. Годы гражданской войны проходят в разъездах – Украина, Крым, Кавказ.

По воспоминаниям Анны Ахматовой он «был человек с душой бродяги в самом высоком смысле этого слова. Его постоянно тянуло к незнакомым местам, особенно к Югу, к морю».

ВЕДУЩИЙ (2): В 1922 году в Берлине вышел сборник стихов поэта «Вторая книга». К этому же времени относится первый прозаический опыт Мандельштама – книга автобиографических очерков «Шум времени». Репутация мэтра еще больше упрочилась после выхода в 1928 году последнего прижизненного сборника Мандельштама «Стихотворения».

ВЕДУЩИЙ (1): Поэт Георгий Иванов вспоминает: «Анна Ахматова оживлялась только тогда, когда стихи читал Мандельштам. Она не раз говорила, что с Мандельштамом никого сравнить нельзя, что он, конечно, наш первый поэт». Мандельштама, в свою очередь, восхищали личность и творчество поэтессы.

ЧТЕЦ: А. Ахматовой:

Вполоборота, о печаль!

На равнодушных поглядела,

Спадая с плеч, окаменела

Ложноклассическая шаль.

Зловещий голос – горький хмель –

Души расковывает недра:

Так – негодующая Федра –

Стояла некогда Рашель.

ВЕДУЩИЙ (2): Мандельштам был дружен со многими известными поэтами: Ахматовой, Цветаевой, Ивановым, Гумилевым. По словам Ирины Одоевцевой, «Встречи с Мандельштамом были всегда не похожи на встречи с другими поэтами. И сам он ни на кого не походил. Он был не лучше и не хуже, а совсем другой. Это чувствовали многие, даже, пожалуй, все. Человек из другого мира, из мира поэзии. Из его стихов».

ЧТЕЦ:

...Я блуждал в игрушечной чаше

И открыл лазоревый грот...

Неужели я настоящий

И действительно смерть придет?

ВЕДУЩИЙ (1): Во второй половине 20-х годов Мандельштам издавал детские книги, работал над переводами и над прозой, но стихи писать перестал. Его стали называть «бывшим поэтом».

Летом 1930 года Мандельштам отправился в Армению. После этой поездки он снова стал писать стихи. Период молчания завершился.

ЧТЕЦ:

За гремучую доблесть грядущих веков,

За высокое племя людей, -

Я лишился и чаши на пире отцов,

И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,

Но не волк я по крови своей:

Запихай меня лучше, как шапку, в рукав

Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,

Ни кровавых костей в колесе;

Чтоб сияли всю ночь голубые песцы

Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей

И сосна до звезды достает,

Потому что не волк я по крови своей,

И меня только равный убьет.

17-18 марта 1931 г., конец 1935 г.

ВЕДУЩИЙ (2): В 30-е годы поэт жил на грани нищеты. Он стал неузнаваем: седая щетина, глубокие впадины под глазами, постоянно находился в нервном напряжении. И в то же время писал стихотворения – одно лучше другого.

ЧТЕЦ:

Мы живем, под собою не чуя страны,

Наши речи за десять шагов не слышны,

А где хватит на полразговорца,

Там припомнят кремлевского горца.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,

И слова, как пудовые гири, верны.

Тараканьи смеются усища,

И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,

Он играет услугами полулюдей.

Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,

Он один лишь бабачит и тычет.

Как подкову, дарит за указом указ –

Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.

Что ни казнь у него – то малина

И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933 г.

ВЕДУЩИЙ (1): В ночь с 13 на 14 мая 1934 года Мандельштам был арестован и приговорен к трем годам ссылки в Чердынь на Урал. Здесь он жил с сознанием того, что в любой момент за ним могут прийти и увести на расстрел. Однако благодаря помощи друзей-поэтов, его перевели в Воронеж, где он провел около трех лет.

ЧТЕЦ:

Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть:

Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить.

О, как мучительно дается чужого клекота почет –

За незаконные восторги лихая плата стережет.

Ведь умирающее тело и мыслящий бессмертный рот

В последний раз перед разлукой чужое имя не спасет.

Что если Ариост и Тассо, обворожающие нас,

Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз?

И в наказанье за гордыню, непоправимый звуколюб,

Получишь уксусную губку ты для изменнических губ.

ВЕДУЩИЙ (2): Анна Ахматова говорила, что простор, широта, глубокое дыхание проявились именно в стихах воронежского цикла. Но поэт был болен, его психика надломлена. Он говорил про себя: «Я измотан». В местном отделении Союза писателей отношение к Мандельштаму было негативным, это диктовалось сверху. «Меня не принимает советская действительность», - с грустью говорил поэт.

Из воспоминаний Эммы Гернштейн: «Он сидел в приемной директора Государственного издательства. Долго ждал. Мимо него проходили в кабинет другие писатели. Мандельштама секретарша не пропускала. Терпение его лопнуло: «Я русский поэт!» - гордо выкрикнул Мандельштам и ушел из приемной, хлопнув дверью».

ЧТЕЦ:

Эту книгу мне когда-то

В коридоре Госиздата

Подарил один поэт;

Книга порвана, измята,

И в живых поэта нет.

Говорили, что в обличье

У поэта нечто птичье

И египетское есть;

Было нищее величье

И задерганная честь. <...>

А. Тарковский

ВЕДУЩИЙ (1): В мае 1937 года срок ссылки закончился. Мандельштам с женой уезжают из Воронежа в Москву, строя планы на будущее. Но им не дали поселиться в своей квартире. Поэт нигде не мог устроиться на работу. Начались трагические дни полуголодного бродяжничества, «нищества», как определял это сам Мандельштам. А потом – новый арест, лагерь, смерть.

ЧТЕЦ:

Здесь отвратительные жабы,

В густую прыгают траву.

Когда б не смерть, то никогда бы

Мне не узнать, что я живу.

Вам до меня какое дело,

Земная жизнь и красота?

А та напомнить мне сумела,

Кто я и кто моя мечта.

ВЕДУЩИЙ (2): В декабре 1938 года заключенный Осип Эмильевич Мандельштам умер в лагере под Владивостоком.

Автор: Панфильцева Ольга Анатольевна

12 ФЕВРАЛЯ
185 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ СЕМЕНОВИЧА
ЛЕСКОВА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
(1831-1895)

Творчество Лескова

Высоко ценивший творчество Н. С. Лескова М. Горький писал о нем: "Жил этот крупный писатель в стороне от публики и литераторов, одинокий и непонятый почти до конца дней. Только теперь к нему начинают относиться более внимательно". В самом деле, литературная судьба Лескова странна и необычна. Писатель, поднявший на высоту больших художественных обобщений новые, никем до него не исследованные стороны русской жизни, населивший свои книги целой толпой никогда до него не виданных в литературе ярких, своеобразных, глубоко национальных лиц, тончайший стилист и знаток родного языка, - он и по сию пору гораздо меньше читается, чем другие писатели такого же масштаба.

Многое в литературной судьбе Лескова объясняется крайней противоречивостью его творческого пути. У его современников - шестидесятников из прогрессивного лагеря - были достаточно веские основания для того, чтобы относиться к Лескову недоверчиво. Писатель, совсем недавно начавший свою литературную деятельность, стал сотрудником такого отнюдь не передового органа, каким была газета "Северная пчела" 1862 года. Это было тем более обидно для современников, что речь шла о писателе вполне "шестидесятнического" склада: у него - хорошее знание практической, повседневной, деловой русской жизни, у него - темперамент, вкусы и способности публициста, журналиста, газетчика. Передовой журнал эпохи, "Современник", в апрельской книжке 1862 года так оценивал публицистическую

деятельность молодого Лескова: "Нам жаль верхних столбцов "Пчелы". Там тратится напрасно сила, не только не высказавшаяся и не исчерпавшая себя, а может быть, еще и не нашедшая своего настоящего пути. Мы думаем по крайней мере, что при большей сосредоточенности и устойчивости своей деятельности, при большем внимании к своим трудам она найдет свой настоящий путь и сделается когда-нибудь силою замечательною, быть может совсем в другом роде, а не в том, в котором она теперь подвизается. И тогда она будет краснеть за свои верхние столбцы и за свои беспардонные приговоры..." Вскоре после этого увещательного обращения "Современника" к молодому писателю разыгрывается громкий общественный скандал - широко распространяются слухи о том, что произошедшие в мае 1862 года большие пожары в Петербурге - дело рук революционно настроенных студентов и связаны с появившейся незадолго перед тем прокламацией "Молодая Россия". В. И. Ленин в статье "Гонители земства и Аннибалы либерализма" писал: "...есть очень веское основание думать, что слухи о студентах-поджигателях распускала полиция". (В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 27.) Лесков выступает с газетной статьей, ("Северная пчела", 1862, э 143 (от 30 мая).) в которой требует от полиции или опровергнуть эти слухи, или обнаружить реальных виновников и примерно наказать их. В накаленной политической атмосфере тех лет статья была сочтена передовыми кругами провокационной. Она подавала к этому основания явной двусмысленностью общественной позиции автора. Лесков, человек крутого и вспыльчивого темперамента, реагировал на случившееся неистовым раздражением. В результате ему пришлось уехать в заграничное путешествие, дабы утихомириться самому и дожидаться, когда улягутся разгоревшиеся вокруг его статьи политические страсти.

В судьбе Лескова с очень большой ясностью сказалось то обстоятельство, что социальная сила, "которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков", (В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 96.) при крутом повороте событий, при обострении основного исторического

противоречия эпохи неизбежно окажется объективно в лагере реакции. Так и случилось с Лесковым. В 1864 году он публикует роман "Некуда". И в эпоху публикации романа и значительно позднее, когда общественные пути Лескова сильно изменились, он склонен был считать, что оценка романа передовыми современниками во многом основывалась на недоразумении.

В замысел писателя входило намерение часть изображаемых им "нигилистов" трактовать как людей субъективно честных и искренне озабоченных судьбами народа, но заблуждающихся в вопросе о ходе исторического развития страны (Райнер, Лиза Бахарева). Едва ли эта "авторская поправка" меняет что-либо в существе дела.

Современники совершенно основательно увидели в романе злонамеренно искаженные портреты ряда реальных лиц из передового лагеря. Особенно отчетливо и резко общественную квалификацию романа и выводы из нее сформулировали Д. И. Писарев и В. А. Зайцев "В сущности, это плохо подслушанные сплетни, перенесенные в литературу", - писал о романе Лескова В. А. Зайцев. Д. И. Писарев следующим образом определял общественно-этические выводы, которые необходимо сделать из создавшегося положения: "Меня очень интересуют следующие два вопроса: 1. Найдется ли теперь в России - кроме "Русского вестника" - хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера Стебницкого (псевдоним Лескова) и подписанное его фамилией? 2. Найдется ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожным и равнодушным к своей репутации, что согласится работать в журнале, украшающем себя повестями и романами Стебницкого?" Объективно роман "Некуда" и - вероятно, еще в большей степени - выпущенный Лесковым уже в начале 70-х годов роман "На ножах" входят в группу так называемых "антинигилистических" романов 60-70-х годов, таких, как "Взбаламученное море" Писемского, "Марево" Клюшникова, "Бесы" Достоевского и т. д.

Для Лескова наступают трудные годы "отлучения" от большой литературы и журналистики эпохи. В реакционном "Русском вестнике" Каткова он не уживается, и причины этого следует искать, конечно, не в особенностях характеров Лескова и Каткова, а в объективном общественном смысле дальнейшей литературной работы Лескова. На протяжении 70-х и особенно 80-х годов происходит трудная, временами даже мучительная переоценка писателем многих из своих прежних общественно-политических воззрений. Значительную роль в идейном самоопределении Лескова сыграло его сближение с Л. Н. Толстым. Общественная позиция Лескова 80-х годов - не та, что была в 60-70-х годах. В художественном творчестве и публицистике Лескова этого периода особую неприязнь консервативного лагеря вызвали произведения, связанные с освещением жизни и быта русского духовенства. Младший современник Лескова, А. М. Скабичевский, отмечал: "Большую сенсацию возбудили вышедшие в свет в начале восьмидесятых годов Архиерейские мелочи, ряд бытовых картин, обличающих некоторые темные стороны быта нашей высшей духовной иерархии. Очерки эти возбудили такую же бурю в консервативном лагере, какую роман "Некуда" произвел в либеральном".

До этого важного перелома, который был связан с нарастанием новой революционной ситуации в стране ("второго демократического подъема в России", как говорил В. И. Ленин), Лесков сотрудничал в разных мелких журнальчиках и газетах консервативного, тускло-либерального или неопределенного направления. В "почтенную" буржуазно-либеральную прессу он не допускался. В связи со все более и более обозначавшимися в его творчестве критическими тенденциями, обусловившими появление произведений, резко и остро ставивших ряд наболевших вопросов социальной жизни России, отношение к нему со Стороны либеральных кругов должно было бы измениться. И тут происходит знаменательный факт, отмеченный сыном и биографом писателя А. Н. Лесковым: "Постепенно создается прелюбопытная перемена позиций с удивительной иногда перестановкой фигур". (Сын писателя, А. Н. Лесков, на протяжении долгих лет работал над биографией Н. С. Лескова. Законченная еще перед войной, она

появилась только в 1954 году (Андрей Лесков - "Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным записям и памятям"). Эта книга представляет собой, по свежести и обилию фактов и по живости изложения, исключительно ценный труд. К ней мы и отсылаем читателей, интересующихся биографией писателя.) А. Н. Лесков имеет в виду то обстоятельство, что либерально-буржуазные журналы типа "Вестника Европы" или "Русской мысли" один за другим отказываются из цензурных опасений помещать на своих страницах лесковские вещи из-за их чрезмерной критической остроты. У передовых общественно-литературных кругов 60-х годов были серьезные основания полемизировать с Лесковым; у буржуазных либералов и поздних народников 90-х годов таких оснований уже не было, но они продолжали это делать как будто просто по инерции. Дело было, однако, совсем не в инерции.

В 1891 году критик М. А. Протопопов написал статью о Лескове под заглавием "Больной талант". Лесков поблагодарил критика за общий тон его статьи, но решительно возражал против ее заглавия и основных положений. "Критике вашей недостает историчности, - писал он Протопопову. - Говоря об авторе, вы забыли его время и то, что он есть дитя своего времени... Я бы, писавши о себе, назвал статью не больной талант, а трудный рост". Лесков был прав: без "историчности" понять его творчество (как и творчество любого писателя) невозможно. Прав он был и в другом: вся история его жизни и деятельности представляет собой картину медленного, трудного и часто даже мучительного роста на протяжении почти полувека - от конца 40-х до середины 90-х г. Трудность этого роста зависела как от сложности самой эпохи, так и от особого положения, которое занял в ней Лесков. Он был, конечно, "дитя своего времени" не меньше, чем другие, но отношения между ним и этим временем приняли несколько своеобразный характер. Ему не раз приходилось жаловаться на свое положение и чувствовать себя пасынком. На это были свои исторические причины.

Лесков пришел в литературу не из рядов той "профессиональной" демократической интеллигенции, которая вела свое идейное

происхождение от Белинского, от общественных и философских кружков 40-х годов. Он рос и развивался вне этого движения, определившего основные черты русской литературы и журналистики второй половины XIX века. Жизнь его до тридцати лет шла так, что он меньше всего мог думать о литературе и писательской деятельности. В этом смысле он был прав, когда потом неоднократно говорил, что попал в литературу "случайно".

Николай Семенович Лесков родился в 1831 году в селе Горохове, Орловской губернии. Отец его был выходцем из духовной среды: "большой, замечательный умник и дремучий семинарист", по словам сына. Порвав с духовной средой, он стал чиновником и служил в орловской уголовной палате. В 1848 году он умер, и Лесков, бросив гимназию, решил пойти по стопам отца: поступил на службу в ту же самую уголовную палату. В 1849 году он переехал из Орла в Киев, где жил его дядя (по матери) С. П. Алферьев, небезызвестный тогда профессор медицинского факультета. Жизнь стала интереснее и содержательнее. Лесков поступил на службу в Казенную палату, но имел иногда возможность "приватно" слушать в университете лекции по медицине, сельскому хозяйству, статистике и пр. В рассказе "Продукт природы" он вспоминает о себе: "Я был тогда еще очень молодой мальчик и не знал, к чему себя определить. То мне хотелось учиться наукам, то живописи, а родные желали, чтобы я шел служить. По их мнению, это выходило всего надежнее". Лесков служил, но упорно мечтал о каком-нибудь "живом деле", тем более что сама служба приводила его в соприкосновение с многообразной средой местного населения. Он много читал и за годы киевской жизни овладел украинским и польским языками. Рядом с Гоголем его любимым писателем стал Шевченко.

Началась Крымская война, которую Лесков называл впоследствии "многознаменательным для русской жизни ударом набата". Умер Николай I (1855 г.), и началось то общественное движение, которое привело к освобождению крестьян и к целому ряду других последствий, изменивших старый уклад русской жизни. Эти

события сказались и на жизни Лескова: он бросил казенную службу и перешел на частную - к англичанину Шкотту (мужу его тетки), управлявшему обширными имениями Нарышкиных и Перовских. Так до некоторой степени осуществилась его мечта о "живом деле": в качестве представителя Шкотта он разъезжал по всей России - уже не как чиновник, а как коммерческий деятель, по самому характеру своей деятельности входивший в теснейшее общение с народом. Многие помещики занимались тогда заселением огромных пространств в Поволжье и на юге России. Лескову приходилось принимать в этом участие - сопровождать переселенцев и устраивать их на новых местах. Тут-то, во время этих разъездов Лесков познакомился с жизнью русского захолустья - с бытом, нравами и языком рабочего, торгового и мещанского люда самых разнообразных профессий и положений. Когда его опрашивали впоследствии, откуда он берет материал для своих произведений, он показывал на лоб и говорил: "Вот из этого сундука. Здесь хранятся впечатления шести-семи лет моей коммерческой службы, когда мне приходилось по делам странствовать по России; это самое лучшее время моей жизни, когда я много видел".

В письмах к Шкотту Лесков делился своими впечатлениями; этими письмами заинтересовался сосед Шкотта по имению, Ф. И. Селиванов, который, как вспоминал потом сам Лесков, "стал их спрашивать, читать и находил их "достойными печати", а в авторе он пророчил писателя". Так началась литературная деятельность Лескова, ограниченная сначала узким кругом экономических и бытовых тем. В 1860 году в киевской газете "Современная медицина" и в петербургском журнале "Указатель экономический" появились его первые статьи: "Несколько слов о врачах рекрутских присутствий", "Полицейские врачи в России", "О рабочем классе", "Несколько слов об ищущих коммерческих мест в России" и др. Это не столько статьи, сколько очерки, насыщенные огромным фактическим материалом и рисующие культурное и экономическое неустройство русской жизни. Речь идет о взятках, о низком уровне служебных лиц, о всяких административных безобразиях и пр.

В общем они примыкают к распространенному тогда жанру так называемых обличительных очерков - с той разницей, что в них уже чувствуется рука будущего беллетриста. Лесков вставляет анекдоты, пользуется профессиональными жаргонами, пословицами и народными словечками, живо и ярко описывает быт, рассказывает отдельные сцены и эпизоды. Обличительный очерк часто превращается в фельетон, а иногда и в рассказ.

В 1861 году Лесков переехал в Петербург и начал сотрудничать в больших журналах и газетах. Ему уже 30 лет - и он как бы нагоняет упущенное время: за годы 1861-1863 он печатает массу статей, очерков, рассказов и повестей самого разнообразного содержания. Здесь и статья по поводу смерти Шевченко, и "Очерки винокуренной промышленности", и статья о романе Чернышевского "Что делать?", и рассказ "Овцебык", и большая повесть "Житие одной бабы". Все это отличается и необыкновенным знанием народной жизни, и разнообразием материала, и смелостью в постановке самых острых и новых вопросов, и оригинальностью литературной манеры, языка. Видно было, что этот писатель прошел через какую-то особенную школу жизни и чтения, отличающую его от других. Казалось, что Лесков решил вступить в соревнование со всеми крупными писателями того времени, противопоставляя им и свой жизненный опыт и свой необычный литературный язык. Горький отметил эту характерную черту его первых вещей, сразу обративших на него внимание современников: "Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине - в области несколько иного быта, иной культуры... Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооруженный не книжным, а подлинным знанием народной жизни".

Однако при всем этом Лесков никак не был в эти годы зрелым литератором, публицистом или общественным деятелем: такого опыта у него не было и быть не могло. Он сам говорил потом, что был в эти годы "мало воспитанным и подготовленным к литературе человеком", и писал А. С. Суворину: "И я и вы в литературу пришли необученными, и,

литераторствуя, мы сами еще учились". Жизнь в провинции и коммерческая деятельность научили его многому и дали ему возможность накопить огромный бытовой, языковой и психологический материал, но о происходившей тогда напряженной социальной, политической и идейной борьбе партий он имел очень смутное представление. Время требовало точного выбора позиции, ясных решений, твердых принципов, отчетливых ответов, а Лесков не был подготовлен к этому ни своим жизненным опытом, ни образованием; между тем он сразу ринулся, со свойственным ему темпераментом, в бой - и очень скоро потерпел неудачу, которая имела для него тяжелые и длительные последствия. Защищаясь от нападков и обвинений в неверном понимании передовых идей и в клевете на передовую интеллигенцию, Лесков сам вынужден был признаться в печати: "Мы не те литераторы, которые развивались в духе известных начал и строго приготавливались к литературному служению. Нам нечем похвалиться в прошлом; оно у нас было по большей части и мрачно и безалаберно. Между нами почти нет людей, на которых бы лежал хоть слабый след кружков Белинского, Станкевича, Кудрявцева или Грановского". Признание очень важное и характерное, тем более что Лесков явно говорит не только о себе, но и о каких-то своих единомышленниках или современниках ("между нами"). Под "известными началами" он понимает, конечно, те передовые идея и теории, которые возникли еще в сороковых годах и привели к созданию и оформлению революционно-демократической интеллигенции во главе с Чернышевским. Лесков явно сожалеет, что развивался вне этих идей и традиций и, таким образом, не готовился к "литературному служению"; вместе с тем он дает понять, что по сравнению с "теоретиками" и "интеллигентами" у него есть некоторые свои преимущества. В письмах и разговорах он иногда иронически употребляет слово "интеллигент" и противопоставляет себя "теоретикам", как писателя, владеющего гораздо большим и, главное, более разносторонним жизненным опытом. Он охотно и много пишет и говорит на эту волнующую его тему, каждый раз стремясь выделить то, что представляется ему наиболее сильной стороной его позиции. "Я не изучал народ по разговорам с петербургскими извозчиками, - говорит он

с некоторой запальчивостью, явно намекая на столичных писателей-интеллигентов, - а я вырос в народе на Гостомельском выгоне... Я с народом был свой человек... Публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как саму нашу жизнь, не штудируя ее, а живучи ею". Или так: "Книги и сотовой доли не сказали мне того, что сказало столкновение с жизнью... Всем молодым писателям надо выезжать из Петербурга на службу в Уссурийский край, в Сибирь, в южные степи... Подальше от Невского!" Или еще так: "Мне не приходилось пробиваться сквозь книги и готовые понятия к народу и его быту. Книги были добрыми мне помощниками, но коренником был я. По этой причине я не пристал ни к одной школе, потому что учился не в школе, а на Сарках у Шкотта". Показательны в этом смысле его слова о Глебе Успенском - "одном из немногих собратий наших, который не разрывает связей с жизненной правдой, не лжет и не притворствуется ради угодничества так называемым направлениям". После Крымской войны и происшедших общественных перемен русская жизнь очень усложнилась, а вместе с нею усложнились и задачи литературы и самая ее роль. В литературу пришли люди со стороны, "самоучки" из провинции, из мещанской и купеческой среды. Рядом с писателями, вышедшими из среды русской интеллигенции ("развивавшимися в духе известных начал"), жизнь выдвигала писателей иного типа, иных навыков и традиций, писателей, сильных своим практическим опытом, своей жизненной связью с глухой провинцией, с низовой Россией, с крестьянским, ремесленным и торговым людом разных районов. Характерной чертой общей обстановки тогда было выдвижение "разночинца" как массового деятеля в политическом движении эпохи, в печати, в литературе. При этом надо помнить, что "разночинная" среда вовсе не была чем-то однородным, - различные ее представители выражали разные, подчас противоречивые, тенденции очень сложного в целом времени. Поэтому в самом вхождении Лескова в литературу "со стороны", в самом формировании его вне кружковой борьбы 40-х годов не было ничего ни странного, ни необычного для общественной жизни 60-х годов. Для периода 50-60-х годов - периода обострения классовой борьбы - это было явлением не только

естественным, но и неизбежным. При новом положении должны были звучать голоса с мест и явиться люди в качестве депутатов от масс. Это было тем более необходимо, что рядом с социальными вопросами встали во всей своей остроте, сложности и противоречивости вопросы национально-исторические - как следствие и Крымской войны и общественных реформ. Так заново возник вопрос о характере русского народа, о его национальных чертах и особенностях. Этот вопрос надо было ставить не в том духе казенного "квасного" патриотизма, который господствовал в николаевскую эпоху и вызывал отпор со стороны передовых кругов. В этом отношении необыкновенно характерным и многозначительным было появление именно в 60-х годах такой грандиозной национально-патриотической эпопеи, как "Война и мир" Толстого, совершенно по-особенному ставившей социальные и исторические проблемы, предлагавшей иные решения этих проблем, чем те решения, которые предлагались передовыми теоретиками эпохи.

Иначе и быть не могло. После Крымской войны и в особенности после освобождения крестьян в литературной среде закономерно возникало противоречие между демократизмом передовой публицистики эпохи и демократизмом стихийным. Это была борьба совсем иного типа, чем, например, борьба революционных демократов с либералами; это был сложный идейный конфликт, возникший на основе новых жизненных противоречий - как результат той самой быстрой, тяжелой, острой ломки всех старых устоев старой России, о которой Ленин говорят в статьях о Толстом. Носители стихийного демократизма смотрели на себя как на новых глашатаев жизненной правды, как на ее миссионеров, обязанных познакомить общество со всеми сложностями и противоречиями русской действительности; в этом была их несомненная историческая сила, потому что они действительно опирались на богатый практический опыт, на реальную связь с известными слоями народа. Однако именно в силу своей стихийности демократизм этот был подвержен всевозможным колебаниям и воздействиям со стороны. Во многом противопоставляя себя "известным началам" и не соглашаясь с "готовыми понятиями", стихийные демократы сплошь и рядом - именно вследствие своей теоретической невооруженности - попадали в сферу

либерально-буржуазных и даже реакционных влияний. В этом была их историческая слабость, нередко приводившая их самих к трагическим положениям и к тяжелым идейным кризисам. Таков был, например, Писемский, метавшийся из одного лагеря в другой, таков был и Лесков; такой же в сущности был и Лев Толстой - с характерными для него патриархально-деревенскими идеалами (и в этом была его особенная историческая сила). Писемский и Лесков пришли от русской провинция, от уездного захолустья - от чиновничьей, промысловой и бродяжьей Руси.

Именно для стихийных демократов был характерен тот особенный "трудный рост", о котором Лесков в конце жизни писал Протопопову, У Толстого этот рост выражался в форме резких кризисов и переломов - соответственно значению поднятых им вопросов; у Лескова он не принимал таких форм, но имел аналогичный исторический смысл. Недаром между ним и Толстым образовалась в 80-х годах особого рода душевная близость, очень радовавшая Лескова. "Я всегда с ним согласен, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его", - писал он в одном письме. Это не было случайностью: Лескову, как и Толстому, решающей в жизни человечества казалась не социально-экономическая сторона и тем самым не идея общественно-исторического переустройства революционным путем, а моральная точка зрения, основанная на "вечных началах нравственности", на "нравственном законе". Лесков прямо говорил: "Не хорошие порядки, а хорошие люди нужны нам".

Ленин показал значение Толстого как "зеркала", отразившего силу "слабость стихийного движения масс; это общее историческое положение относится в известной мере и к Лескову - с учетом, конечно, тех отличий, о которых говорилось выше. Ленин говорит, что 1905 год принес с собой "конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого - не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени". (В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 31-32.)

Лескова, как и Толстого, "могла и должна была породить" та самая пореформенная, но дореволюционная эпоха, о которой говорит Ленин. Он, как и Толстой, отразил "кричащие противоречия" этой эпохи и вместе с тем обнаружил непонимание причин кризиса и средств выхода из него. Отсюда и его "трудный рост" и все те исторические недоразумения, от которых он так страдал, но для которых сам создавал достаточное количество поводов и оснований. Лескова, как и Толстого, неоднократно упрекали в капризах и в оригинальничанье - то по поводу языка его произведений, то по поводу его взглядов. Современникам не легко было разобраться в его противоречивой и изменчивой позиции, тем более что своими публицистическими статьями он часто только затруднял или усложнял ее понимание. Критики не знали, как быть с Лесковым - с каким общественным направлением связать его творчество. Не реакционер (хотя объективные основания для обвинения его в этом были), но и не либерал (хотя многими чертами своего мировоззрения он был близок к либералам), не народник, но тем более не революционный демократ, Лесков (как позднее и Чехов) был признан буржуазной критикой лишенным "определенного отношения к жизни" и "мировоззрения". На этом основании он был зачислен в разряд "второстепенных писателей", с которых многого не спрашивается и о которых можно особенно не распространяться. Так и получилось, что автор таких изумительных и поражающих именно своим своеобразием вещей, как "Соборяне", "Очарованный странник", "Запечатленный ангел", "Левша", "Тупейный художник", оказался писателем, не имеющим своего самостоятельного и почетного места в истории русской литературы.

Это было явной несправедливостью и исторической ошибкой, свидетельствующей об узости традиционных схем либерально-буржуазной критики. Одним из первых восстал против этого положения Горький, чувствовавший себя в некоторых отношениях учеником Лескова. В своих лекциях 1908-1909 годов (на Капри) Горький говорил, что Лесков - "совершенно оригинальное явление русской литературы: он не народник, не славянофил, но и не западник, не либерал и не консерватор". Основная черта его героев - "самопожертвование, но

жертвуют они собой ради какой-либо правды или идеи не из соображений идейных, а бессознательно, потому что их тянет к правде, к жертве". Именно в этом Горький видит связь Лескова не с интеллигенцией, а с народом, с "творчеством народных масс". В статье 1923 года Горький уже решительно заявил, что Лесков как художник достоин стоять рядом с великими русскими классиками и что он нередко превышает их "широтой охвата явлений жизни, глубиной понимания бытовых загадок ее, тонким знанием великорусского языка".

Действительно, именно этими тремя чертами своего творчества Лесков выделяется среди своих современников. Без него наша литература второй половины XIX века была бы очень неполной: не была бы раскрыта с такой убедительной силой и с такой проникновенностью жизнь русского захолустья с его "праведниками"; "однодумами" и "очарованными странниками", с его бурными страстями и житейскими бедами, с его своеобразным бытом и языком. Не было бы того, что сам Лесков любил называть "жанром" (по аналогии с "жанровой" живописью), и притом "жанр" этот не был бы дан так ярко, так интимно, так многообразно и так в своем роде поэтично. Ни Тургенев, ни Салтыков-Щедрин, ни Островский, ни Достоевский, ни Толстой не могли бы сделать это так, как сделал это Лесков, хотя в работе каждого из них присутствовала эта важная и характерная для эпохи задача. Горький хорошо сказал об этом: "Он любил Русь, всю, какова она есть, со всеми нелепостями ее древнего быта". Именно поэтому он вступал в своеобразное соревнование или соперничество с каждым из названных писателей. Начав свой творческий путь в 60-х годах с насыщенных жизненным материалом очерков, направленных против уродств дореформенного строя, Лесков довольно скоро вступает в полемику с "известными началами", "готовыми понятиями", "школами" и "направлениями". Занимая позицию "скептика и маловеера" (как говорил о нем Горький), он настойчиво изображает трагическую бездну, образовавшуюся между идеями и надеждами революционных "теоретиков" ("нетерпеливцев", как он их называл по-своему) и дремучей Русью, из которой он сам пришел в литературу. В первом же рассказе - "Овцебык" (1863) он описывает судьбу своего рода

революционного "праведника", семинариста-агитатора, "готового жертвовать собою за избранную идею". Характерно, однако, что этот праведник - вовсе не интеллигент и не теоретик: "Новой литературы он терпеть не мог и читал только евангелие да древних классиков... Он не смеялся над многими теориями, в которые мы тогда жарко верили, но глубоко и искренно презирал их". О столичных журналистах он говорит: "Болты болтают, а сами ничего не знают... Повести пишут, рассказы!.. А сами, небось, не тронутся". И вот даже этот своеобразный демократ ничего не может сделать с темным крестьянством; убедившись в безнадежности своих опытов, Овцебык кончает самоубийством. В письме к приятелю он говорит: "Да, понял ныне и я нечто, понял... Некуда идти" - Так был подготовлен и явился на свет роман Лескова "Некуда" (1864), в котором вместо Овцебыка был уже изображен представитель революционных кругов Райнер. Наслушавшись "опозитизированных рассказов о русской общине" и о "прирожденных наклонностях русского народа к социализму", Райнер едет в Россию. Из всех его попыток ничего, кроме трагикомических недоразумений и неудач, не получается: Россия оказывается совсем не такой, какой он ее представлял себе по рассказам. В напряженной и сложной обстановке того времени роман Лескова был воспринят как реакционный выпад против революционной интеллигенции. Сам писатель представлял себе свой замысел несколько иначе, но не такое было время, чтобы разбираться в индивидуальных оттенках. Каковы бы ни были субъективные намерения автора, объективно роман этот имел реакционный смысл, потому что он был направлен проповедь передового общественного лагеря эпохи. Приговор был произнесен - и началась та "литературная драма" Лескова, которая наложила отпечаток на всю его литературную судьбу.

Автор статьи: П. Громов, Б. Эйхенбаум

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА ПО ТВОРЧЕСТВУ Н.С. ЛЕСКОВА

Вопросы:

1. В каком провинциальном городе прошло детство Лескова, где 10 лет до этого рос и учился другой русский писатель? Кто?
2. В какой московской газете (название это ныне использовано для научно-популярного журнала) начинал Лесков как очеркист, став её корреспондентом в Петербурге?
3. Под каким псевдонимом печатался молодой Лесков?
4. Какой лесковский роман Писарев отнёс к «истребительным романам»?
5. За что Лесков получил в критике прозвище «гроза нигилистов»?
6. Кого из своих героев писатель прозвал «овцебыком» в одноименном рождественском рассказе?
7. Предсмертное письмо героя, в котором он, разочаровавшись в попытках просветить крестьян, пишет: «Некуда идти», подготовило первый роман Лескова и перекликалось с размышлениями персонажа другого писателя. О каком романе и писателе идёт речь?
8. Какую женскую коммуну, организованную по рецепту из «Что делать?» одним из писателей-народников (разночинцев), посещал Лесков и отобразил ее в романе «Некуда»?
9. Кого назвал автор «углекислыми феями с Чистых прудов»?
10. Кто из старших современников в разгар баталий вокруг Лескова отозвался о нём как о писателе будущего?
11. С кем из украинских писателей был знаком, общался и переписывался Лесков?
12. Кого имел в виду Лесков, создавая образы «нетерпеливцев», и с кем из современников полемизировал?

13. А как называл писатель своих любимых героев-правдоискателей?
14. В каком произведении он вывел типы русской женщины, цельной натуры, и русского мужика, показав «бездну» в душах простых людей и вступая в полемику с другими писателями?
15. С какими литературными героинями сравнивает Катерину Измайлову писатель?
16. Сколько убийств совершила лесковская героиня ради любви?
17. Чем отличается её гибель от самоубийства героини Островского?
18. Какая опера и кем была написана на сюжет «Леди Макбет Мценского уезда»?
19. Какое свое произведение автор считал лучшей, а может быть, единственной вещью, которая «найдёт себе место в истории нашей литературы», и называл её «книгой родства и памяти»?
20. Черты какого реального города проглядывают в Старом Городе в «Соборях» и символом чего он становится?
21. В споре с кем создаёт свою версию русской истории Лесков?
22. В чём отличия старгородцев от глуповцев?
23. Какой смысл имеет первоначальный эпиграф «Соборях»: «Чарующие движения воды»?
24. Задумывая свой национальный эпос, от кого отталкивался Лесков?
25. На кого из реальных деятелей и литературных героев похож лесковский мятежный протопоп Савелий?
26. Какое необычное имя дал автор «стихийному исполину» — богатырю дьякону Десницину?
27. Какой «рождественский рассказ» Лескова получил высокую оценку в критике и сравнивался с храмом Василия Блаженного («Василий Блаженный в письменности»)?

28. Что возмутило Достоевского в этом рассказе: чудо «распечатления» иконы или «научно-популярное» его объяснение?
29. Как возвратили раскольники икону, присвоенную архиереем?
30. К какой повести автор даёт ироничный эпиграф: «Ржа железо точит», а суть её сводится к тому, что внести в русскую жизнь немецкую логику всё равно что разрубить тесто топором?
31. На какую народную поговорку опирается писатель в своем знаменитом «Левше» и каково полное заглавие этого сказа?
32. По чьему примеру Лесков даёт своему «баснословию о стальной блохе» предисловие, приписывая рассказ старому оружейнику?
33. Как поступили благодарные соотечественники с мастером?
34. Какова была предсмертная воля Левши и была ли она выполнена?
35. Какой герой 1812 г. выступает в «Левше» как действующее лицо?
36. В каком рассказе показан крепостной театр графов Каменских, описанный в одном из произведений Герцена?
37. Кто такой «тупейный художник» и что означает слово «тупейный»? Где вам встречалось слово «тупей»: «Раскланяйся — тупеем не кивнут»?
38. Кто из лесковских героев, прощаясь с женой, говорит: «Не хлопочи: жизнь уже кончена, начинается житие»?
39. В какой повести «праведник» странствует по свету, потому что «деться было некуда», преодолевает, как в сказках, все препятствия и в конце концов находит смысл жизни в служении отечеству?
40. На какого русского богатыря похож «очарованный странник» Иван Флягин?
41. Кто из писателей-современников считал, что Лесков «пересаливает» в своем слоге и «говорит эссенциями», но сам тоже писал «эссенциями», только не бытовыми, а философскими?

42. Что означают слова, изобретенные Лесковым, и по какому принципу он их придумывал: буреметр, мелкоскоп, двухсестная, долбица, клеветон, бюстры, безрассудок, нимфозория, студинг, граф Кисельворде, Аболон полведерский, щиглеты, карафин?

43. Кто был главным биографом Лескова?

Ответы:

1. В Орле. Тургенев.
2. «Русская речь».
3. М. Стебницкий.
4. «Некуда»: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грязно».
5. За критику нигилистов в романах «Некуда» и «На ножах».
6. Семинариста, отказавшегося от монашества ради пропаганды социализма.
7. Роман «Некуда». Размышления Мармеладова о том, что человеку надо иметь куда идти, из «Преступления и наказания» Достоевского.
8. Знаменскую коммуну (находилась на Знаменке), организованную Слепцовым.
9. Членов этой коммуны.
10. Л. Толстой.
11. С Шевченко, Котляревским, Марко Вовчок.
12. Нигилистов. С Тургеневым и Чернышевским.
13. «Праведниками».
14. В повести «Леди Макбет Мценского уезда». С Островским, Некрасовым.

15. С шекспировской героиней из трагедии «Макбет», толкнувшей мужа на убийство, и Катериной Островского («Гроза»), покончившей с собой из-за любви.
16. Четыре — свекра, мужа, племянника и собственного ребенка.
17. Тоже топится, но увлекает за собой свою соперницу.
18. Д. Шостаковичем. «Катерина Измайлова».
19. Хронику «Соборяне».
20. Города Орла — родины Лескова. Символом Русской земли.
21. С Салтыковым-Щедриным и его «Историей одного города».
22. Если глупость глуповцев безусловна и однозначна, то старгородцы, скорее, наивны и упрямы, и в них перемешана дурь и кротость, лень и энергия, вольность и холуйство, подлость и праведность.
23. В Евангелии от Иоанна рассказывается о больных, которые собирались у водоёма, куда иногда спускался ангел и возмущал воду — и тогда она исцеляла страждущих.
24. От Л. Н. Толстого и его «Войны и мира».
25. На протопopa Аввакума и некрасовского Савелия — богатыря святорусского.
26. Ахилла — Ахилка.
27. «Запечатленный ангел».
28. Второе (бумажка отклеилась), так как сам верил в тайны и пророчества.
29. Выкрали ее, проявив отчаянную удачу и заменив копией.
30. «Железная воля».
31. «Туляки блоху подковали». «Сказ о тульском косом Левше и стальной блохе».

32. Пушкина в «Повестях Белкина» и Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» — основные рассказчики: помещик И. П. Белкин и пасечник Рудый Панько.
33. Объявили его героем — и разбили ему голову.
34. «Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят; пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог войны, они стрелять не годятся». Слова эти не были переданы, и наказ забыт — оттого и потерпели поражение в Крымской войне.
35. Атаман Платов.
36. «Тупейный художник». Повесть Герцена «Сорока-воровка».
37. Парикмахер. Тупей — взбитый хохол на голове. В «Горе от ума» Грибоедова (монолог Фамусова).
38. Протопоп Савелий Туберозов из «Соборян».
39. «Очарованный странник».
40. На Илью Муромца.
41. Ф. М. Достоевский.
42. Соединение двух слов: барометр и буря, микроскоп и мелко, двухместная и сесть, таблица и долбить, клевета и фельетон, бюсты и люстры, предрассудок и безрассудство, нимфа и инфузория, студень и пудинг. Народная этимология иностранных заимствований: Нессельроде, Аполлон Бельведерский, штиблеты, графин.
43. Его сын А. Н. Лесков, написавший книгу «Жизнь Николая Лескова».
- "Драгоценнейший человек нашего времени"

27 МАРТА
135 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АРКАДИЯ ТИМОФЕЕВИЧА АВЕРЧЕНКО,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ,
САТИРИКА И
ТЕАТРАЛЬНОГО КРИТИКА
(1881-1925)

«Король смеха»

вечер, посвященный юбилею А. Аверченко

Аверченко Аркадий Тимофеевич (15 (27) марта 1881, Севастополь - 12 марта 1925, Прага) – писатель, драматург, театральный критик.

С 1907 г. жил в Санкт-Петербурге, сотрудничал в юмористическом журнале «Стрекоза». С 1908 г. главный редактор журнала «Сатирикон». В России опубликованы книги: «Круги по воде» (1912); «Рассказы для выздоравливающих»; «Сорные травы» (1914); «Чудеса в решете» (1915) и др. После Октябрьской революции уехал на занятый белыми Юг. С 1920 г. в эмиграции в Константинополе. С 1922 г. жил в Праге, где умер и был похоронен на Ольшанском кладбище.

Аркадия Аверченко сравнивали с заокеанскими юмористами Марком Твенем и О'Генри, а простая читающая публика жаловала писателя титулом «короля смеха». Его юмористические книги», сотрудничество с петербургскими театрами вознесли А. Аверченко на литературный Олимп еще в 1912 году. В следующие пять лет лучший юморист России добавлял себе славы, как вдруг буквально всю страну захватила политика.

Февраль 1917 г. писатель приветствовал, но насмотревшись на жизнь в условиях последовавших «демократических преобразований», Октябрьской революции в своем личном признании отказал. На этом основании творчество А. Аверченко делят на два периода: ироничный (дореволюционный) и сатирический (послереволюционный). Сам писатель называл свой смех «беспартийным», но с этим не согласились пришедшие к власти большевики. В августе 1918 года они закрыли редактируемый А. Аверченко журнал «Новый Сатирикон», чем заявили о политической неблагонадежности юмориста. Писатель бежит из Петрограда. Москва, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Екатеринодар (ныне Краснодар), Новороссийск, Мелитополь...

В начале апреля 1919 года он приехал в Севастополь. Это был город его юности. Здесь, в семье мелкого торговца, Аркадий Тимофеевич родился 27 марта 1881 года. Отец, Тимофей Петрович, был большим выдумщиком, но никудышным купцом. «Когда мне исполнилось 15 лет, - писал А. Аверченко в «Автобиографии», - отец... однажды сказал мне: «Надо тебе служить». Отрочество кончилось, Аркадий стал конторщиком в родном городе, а год спустя судьба привела его в Донбасс. Позже, внутренне содрогаясь, писатель вспоминал: «Шестнадцать лет я расстался со своей сонной транспортной конторой и уехал из Севастополя на какие-то каменноугольные рудники... Это был самый грязный и глухой рудник в свете... Когда правление рудников было переведено в Харьков, туда забрали и меня, и я ожил душой и окреп телом».

В Харькове состоялся литературный дебют Аркадия Аверченко. 31 октября 1903 года местная газета «Южный край» поместила его первый рассказ «Как мне пришлось застраховать жизнь». Для едва обученного грамоте 22-летнего служащего это было большим событием.

В Севастополе писатель творил практически без отдыха. Он писал и выступал как чтец, артист и конференсье, откликаясь на насущные проблемы с характерной для него остротой.

Вместе с А. Каменским писатель заведовал литературной частью театра-кабаре «Дом Артиста», созданного в Севастополе в сентябре 1919 года. Одной из первых постановок стала новая пьеса А. Аверченко «Лекарство от глупости», в которой автор выступал и в качестве актера. А 2 ноября того же года Аркадий Тимофеевич вместе со знаменитой писательницей Тэффи дал большой концерт в театре Севастопольского городского собрания.

Еще один театр Севастополя – «Ренессанс» - отметил начало 1920 года премьерой по пьесе А. Аверченко «Игра со смертью». Он же в середине января 1920 года организовал вечер юмора с участием Аркадия Тимофеевича. А в театре «Наука и жизнь» писатель выступал с моноконцертами либо вместе с популярной актрисой М. Марадудиной. В апреле 1920 года открылся еще один театр с романтическим названием «Гнездо перелетных птиц». В нем писателя-юмориста принимали всегда с радостью. Пройдет немного времени, и Аркадий Аверченко сам возглавит труппу с тем же названием. Уже в Константинополе (Стамбуле) этот театр, вместе с кабаре Александра Вертинского «Черная роза», станет самым известным в эмигрантской среде.

Любопытные сведения оставили современники писателя о его театральных вечерах в Севастополе: «Открывал вечер обычно сам Аверченко, и из-за него, собственно, и ходили люди в театр по вечерам». Писатель мастерски умел переходить от мягкого юмора к убийственной сатире. Не случайно Аверченко называли то «красным солнышком» - за мягкость, то «барабанщиком литературы» - за точность характеристик.

Умереть сатирику суждено было вдали от родного Черного моря – А. Аверченко скончался в Праге 12 марта 1925 года, не дожив нескольких дней до своего 44-летия. Прах русского «короля смеха» покоится на Ольшанском кладбище.

В 2002 г. на телевизионные экраны нашей страны вышел сериал по юмористическим рассказам известных русских и

зарубежных писателей «Недлинные истории». Одна из новелл называлась «Аркадий Аверченко. Курильщики опиума».

Первой попыткой экранизации произведений Аркадия Аверченко стал вышедший в 2008 г. российско-белорусский фильм для детей «Невинные создания».

Более счастливая судьба сложилась у рассказов Аверченко на тетральных подмостках. Спектакли по его произведениям не исчезают из репертуаров столичных и провинциальных театров.

12 АПРЕЛЯ
85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЕОНИДА ПЕТРОВИЧА ДЕРБЕНЕВА,
РУССИЙСКОГО ПОЭТА-
ПЕСЕННИКА
(1931-1995)

«Его ослепительный миг»

(Сценарий литературно-музыкальной композиции по творчеству Леонида Дербенева)

Подготовка: К вечеру можно оформить книжно — иллюстративную выставку «Между прошлым и будущим» с материалами о жизни и творчестве поэта Л. Дербенева, подготовить медиапрезентацию, которая будет сопровождать вечер.

На фоне песни «Есть только миг» в исп. О. Анофриева выходят ведущие

Ведущий 1:

Поэты не рождаются случайно,

Они летят на Землю с высоты.

Их жизнь окружена глубокой тайной,

Хотя они открыты и просты.

Они уходят, не допев куплета,

Когда в их честь оркестр играет туш.

Актеры, музыканты и поэты –

Целители уставших наших душ.

Стихами Игоря Талькова хочется начать наш вечер, посвященный творчеству поэта — песенника Леонида Дербенева.

Если бы Леонид Дербенев написал только одну песню «Есть только миг...», то и тогда она принесла бы ему известность. Есть поэты, имя которых у всех на слуху, но их самих практически не знают. К таким относится и Леонид Дербенев, автор текстов более двух тысяч песен, многие из которых стали культовыми, почти народными. Они украшают нашу непростую жизнь. 22 ноября 2002 года при открытии именной звезды на Площади Звёзд в Москве Леонида Дербенева называли выдающимся поэтом-песенником XX века.

Ведущий 2: Биография Леонида Дербенева очень яркая и эмоциональная, такая, как и сам Леонид Дербенев. Родился он в Москве весной 1931 года, но вся его жизнь, по личному утверждению Леонида Петровича, напрямую связана с деревней Улово Суздальского района. Из этих мест весь род Дербеневых. В этой маленькой деревушке, в центре Владимирской земли, прошли его детские и юношеские годы. Здесь он рос, учился в школе и набирался жизненной энергии, которая проявилась творческим дарованием. Хотя судьба ему уготовила короткую жизнь, он прожил всего 64 года, но 36 из них он посвятил песне.

Предки Дербеневых по отцовской линии несколько столетий жили на Владимиро-Суздальской земле. Отец, Петр Александрович, в 20-х годах прошлого века уехал из родной деревни Улово в Москву, где получил образование инженера-строителя. В Москве женился. 12 апреля 1931 года в семье родился мальчик Лёня, будущий поэт. В начале Великой Отечественной войны десятилетнего Лёню и его бабушку приютила уловская родня. В это время сложились основные

черты характера Леонида Дербенева — целеустремленность, ироничность, поэтическое восприятие жизни.

Дебютом поэта стала публикация стихов во всесоюзной газете «Пионерская правда». Автор тогда учился в седьмом классе средней школы.

Ведущий 1: Он очень любил Владимирщину и всегда стремился сюда. Там есть храм, в котором венчались его бабушка и дедушка, и у него была мечта если не восстановить, то хотя бы заложить провалы в стенах храма, поставить решетки. К сожалению, из-за болезни он не успел этого сделать. Сейчас идёт сбор средств на восстановление Храма.

В 50-х годах родовой дом Дербенёвых из деревни Улово буквально по брёвнышку был перевезён в Подмосковье, где был восстановлен в первоизданном виде отцом Петром Александровичем. Молодой поэт со своей супругой часто наведывались в «воронью слободку», так в шутку называл он этот дом, где черпал свое вдохновение.

Леонид Петрович мечтал о своем собственном родовом гнезде. Здесь, в Улово, в начале 90-х Леонид Дербенев начал строить дом. Хотел, чтобы он был непременно бревенчатый (бревна в обхват), чтобы банька была, вишни и яблоневый сад. С Верой Ивановной, супругой и музой, они мечтали отметить в саду под яблонями золотой юбилей своей свадьбы. Но этому было не суждено сбыться.

Звучит песня «Снится мне деревня» в исп. С.Беликова

Ведущий 2: Дербенев не был профессиональным поэтом, в 1954 году он окончил юридический институт, работал юристом в различных организациях, параллельно писал стихи, некоторые из них печатались в «Комсомольской правде», «Известиях», «Московском комсомольце» и других изданиях.

В 60-е Леонид Дербенев нередко выступал в роли переводчика западных шлягеров, таких, как «Луна», «Падает снег», «У моря, у синего моря» и других.

В его творчестве ярко выражена лирическая направленность. Стихи Леонида Дербенева о любви просты до гениальности. Наверное, именно поэтому они пережили многие-многие годы (песня «До свиданья, лето...») Поэтическое слово Дербенева просто и точно. Его художественные образы конкретны и красочны. Лучшие песни Леонида Дербенева — настоящая поэзия. Трогательная дружба соединяла Дербенева с композитором Флярковским и его семьей, да и творческий союз их интересный — в 1971 году вышел фильм «Русское поле», к которому Флярковский написал музыку, а Дербенев стихи. И сразу три шедевра — «Белая лебедь», «Колдовство», «Ах, мамочка» (которая во многих поисковиках значится, как русская народная).

Звучит песня «Ах, мамочка!» в исп. Н.Мордюковой

Ведущий 1: У Леонида Петровича было три страсти: — это семья, работа и рыбалка... Что касается семьи, то в ней он находился всегда. Работа для него была словно бы другой, параллельной жизнью, писать для него было так же естественно, как и дышать... Ну а когда он выезжал на рыбалку, стихов, как вы понимаете, не писал. Любил порыбачить, выбираясь на несколько дней на Волгу, в Подмосковье...

Каждую весну, едва деревья покрываются свежей зеленью, вдова поэта Вера Дербенева собирается в путь, она садится за руль своей серебристой KIA, заговорщицки подмигивает бассету Никанору, привычно примостившемуся на заднем сиденье, и покидает душную, шумную Москву до первых осенних заморозков.

Дербенев был целеустремленным, решительным, волевым человеком. До 1972 года он был употребляющим, потом злоупотребляющим, а затем плавно перешел в другую категорию. Когда стало нащупываться дно, он в одночасье порвал с этой пагубной страстью, и до конца своей жизни ни капли спиртного в рот не брал. То же самое произойдет и с курением.

Ведущий 2: Леонида Дербенева связывали тесные дружеские отношения со многими известными деятелями российской культуры, он активно участвовал в жизни российской эстрады, часто работал в жюри песенных конкурсов. Но надо сказать, что в отличие от других поэтов-песенников, Дербенёв подолгу с композиторами не работал, ему было интересно пробовать разные направления, разные жанры. Несмотря на свою известность, он не был человеком «тусовки». Скорее, был нелюдимом. Общался по делу и с теми, кого любил и уважал. С незнакомыми людьми был не слишком приветлив и даже колок. Но композиторы любили работать с Дербеневым, поскольку он владел «легким» пером, «музыкальным» слухом и умел точно проникнуть в замысел композитора. Песни Дербенева служили надежным залогом успеха, он знал особый секрет этого успеха, секрет шлягера, а это дано далеко не всем. Он помог раскрыться многим известным исполнителям, а для Маши Распутиной стал крестным отцом, написав для нее песни, сделавшие ее известной на всю страну.

Дербенев остро переживал развал страны, последовавший за этим хаос, написал гражданственные, протестные песни «Живи, страна!», «Пьяный кучер». Именно в те годы наш президент в одной из зарубежных поездок «дирижировал» оркестром. «Темных туч хоровод, над дорогой осенней, наша тройка летит, подминая бурьян, но зачем, но зачем в эту бричку мы сели, мы же видели ясно, что кучер был пьян» Эту откровенную песню в середине 90-х исполнил Иосиф Кобзон в зале «Россия» в сопровождении ансамбля песни и пляски внутренних войск МВД. После этого певец на какое-то время был лишен сцены, а песня запрещена.

Песня «Пьяный кучер» в исп. И. Кобзона.

Ведущий 1: Дербенёв был очень «эстрадным» поэтом. Он хорошо «чувствовал» певцов и часто писал специально для них. Поэт понимал главное, что «песня должна помогать исполнителю открыться, показать, на что он способен». И в кино он очень точно улавливал образный строй картины и в соответствии с ним выстраивал песню.

Его любили, наши самые известные композиторы и звезды эстрады и становились в очередь за его стихами. Но при всемэтом жизнь поэта была отнюдь не пряничной.

В середине 70-х Алла Пугачева победила на конкурсе в Сопоте. Но мало кто знает про то, что на самом деле там победила голландская группа, а главный приз в конкурсе песен достался не певице, а песне «Все могут короли» в ее исполнении. То есть, он принадлежал не Пугачевой, а авторам песни — поэту Леониду Дербеневу и композитору Борису Рычкову. Приз сопровождался немалой по тем временам денежной премией, которую «примадонна» оставила себе.

Парадокс, но у человека, сделавшего так много для нашей эстрады с шестидесятых по девяностые годы, при жизни был только один концерт, на котором с его песнями выступили российские звезды. Леонида Дербенева так и не приняли в Союз писателей, что автоматически предполагало, что он не профессионал, не давало возможности раскрыть двери еще шире. И, хотя за Дербенева хлопотали такие мощные союзники и просители, как Лев Ошанин, Римма Казакова, Лариса Васильева... В 1983 году Леонид Петрович делает еще одну попытку. Ему уже 52 года – написаны песни к 100 кинофильмам, колоссальное количество шлягеров, которые распевает вся страна, он успешен, популярен, самодостаточен. В ответ — отказ! Без указания причин.

Ведущий 2: Дербенев говорил «...невозможно слушать, то, что сейчас поют. Прежде этот мутный поток пошлости хоть как-то сдерживали худсоветы, а теперь нашу эстраду заполняют бездарь и безвкусица. И самое ужасное, что публика глотает эту дрянь, ей нравится любая глупость – лишь бы смахивала на западную. Мы обрубам наши корни, традиции...». Послушал бы он, что поют с нашей эстрады сейчас...

Все те, кто любит и ценит настоящую хорошую и что важно – умную песню, безошибочно узнает среди пустой пошлы, заполонившей эфир и концертные площадки, песни на стихи Дербенева. Будучи истинно русским человеком, он вобрал в

себя все, что близко и дорого множеству людей с разными вкусами, взглядами, убеждениями, и по ему одному ведомому закону оттачивал их чувства во фразы, становившиеся впоследствии крылатыми. Дербенев всегда отличался тем, что мог в простой и доступной песенной форме заставить слушателей задумываться о вечных ценностях.

В последние годы жизни, в 1981 году, Леонид Петрович пришел к Богу, как бы заново переосмыслил свою жизнь. Просил наставления у батюшки: «Имею ли право писать?» Батюшка сказал: «Вы должны. Придет кто-то другой и не скажет такие добрые, понятные всем слова». Будучи зрелым человеком, обретя веру в Бога, он посвящает стихиновой теме — тема духовности. За 14 лет с Богом в душе и сердце Леонид Петрович написал много песен философского и религиозного содержания: «Молитва», «Потерянная страна», «Монастырь на холме».

Исполняется песня «Надейся на бога» в исп. И. Наджиева

Ведущий 1: По свидетельству тех, кто работал с Дербеневым, он был чуть ли не единственным поэтом — песенником, обладавшим феноменальной способностью сочинять стихи на уже написанную мелодию. Многие известные поэты считали моветоном заниматься подтекстовками. Дербенев же делал это так искусно, что никто не мог догадаться, что было вначале — музыка или стихи. Другие поэты могли по 2-3 месяца «вымучивать» текст. Дербенев делал это за день — другой, попутно успевая многочисленное количество раз переделывать его. «Песенку о медведях» автор, по его словам, переделывал не менее 40 раз. И это того стоило. Композитор Сергей Дьячков, сотрудничавший с Дербеневым, утверждал: «Мне даже кажется, что у Дербенева техника была, как у Пушкина. Такая быстрота мышления, что он находил, в конце концов, нужный вариант. Это была фантастика». Игорь Наджиев назвал его Гением песни.

Дербенев очень любил жизнь и призывал к этому своих друзей: «Ребята, смотрите на мир широко раскрытыми

глазами, радуйтесь жизни, радуйтесь любви! Негодуйте против всего плохого в нашей жизни! Не оставайтесь равнодушными!». Президент Есенинского культурного центра Юрий Паркаев так вспоминает о Дербеневе: «Он никогда не был ни брюзгой, ни завистником. Те, кто знали Дербенева ближе, видели в нем светлого, мудрого, необычайно остроумного и доброжелательного человека. Просто в нем жило обостренное чувство справедливости, чести, которой он дорожил больше, чем существованием».

Ведущий 2: Осень 1994 года. Болезнь, как всегда, проявилась неожиданно, во время круиза по Средиземному морю. Несколько серьезных диагностических исследований выявляют у Леонида Петровича Дербенева рак желудка метастазами. Операция отчаяния, химиотерапия, метастазы в спинной мозг. ... Умер Леонид Петрович 22 июня 1995 года. Ему было 64 года. Похоронили его на Востряковском кладбище. Вдова поэта — Вера Ивановна Дербенева — его добрая муза. В 2003 году она написала замечательную книгу «Между прошлым и будущим...», посвященную поэту.

Дочь Елена — переводчик, преподаватель иностранных языков. Внучка Елизавета работает на телевидении, а также делает рекламу. Подрастает правнук Мирослав.

22 июня, в день смерти Леонида Петровича Дербенева, на Востряковском кладбище собираются артисты, друзья семьи. Так всегда — каждый год. Это негласное правило — тех, кто искренне благодарен поэту.

Поражает снова и снова бессмертие его стихов, которые со временем становятся все более популярны и актуальны. Молодые певцы возвращаются к его творчеству, черпая вдохновение из слов Леонида Петровича. Псевдоискусство — явление кратковременное, но настоящее искусство живет долго. Так произведения Леонида Дербенева обращают на себя внимание своей глубиной и выразительностью. В последние годы интерес к творчеству Леонида Дербенева очень велик. Открыта именная звезда на площади Звезд, проходят концерты, канал «Россия» показал фильм о поэте-

песеннике. «Добрый гений отечественной эстрады» — так называли Дербенева коллеги, исполнители и многочисленные поклонники его таланта. Действительно, его песни могут быть и лирическими, и шуточными, известными или не очень, но обязательно добрыми.

Ведущий 2: Наше песенное творчество конца 20-го века, его лучшие образцы, родились под счастливой звездой, носящей имя Леонида Петровича Дербенева. Он сполна отработал этот божий дар. Оставил нам песни, ставшие знаковыми. Начиная с первой легендарной «Лучший город земли», написанной с Арно Бабаджаняном испетой юным Муслимом Магомаевым, до «Есть только миг» Александра Зацепина, столь мудро ответившей на извечный вопрос о смысле бытия. И спасибо ему за это. Дербенев написал более сотни прекрасных песен и более двух тысяч замечательных стихотворений.

«Я хотел бы прожить лет пятьсот, или целую тысячу...». Эти последние строки Леонида Дербенева насыщены такой жизнеутверждающей силой, и не верится, что его больше нет с нами. Его песня в протяжении 30 лет пела страна. Поет и сейчас. Поет и мы. Надеемся, что будут петь и наши внуки.

Давайте послушаем по пурри песен Леонида Дербенева.

Составитель: гл. библиотекарь МБУК МБТ. Каркасан (МБУК «Межпоселенческая библиотека Умётского района» (Отдел методико-библиографической работы))

15 МАЯ
125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА АФОНАСЬЕВИЧА БУЛГАКОВА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И
ДРАМАТУРГА
(1891-1940)

«Михаил Афанасьевич Булгаков – Личность. Судьба.
Творчество»

(сценарий литературного вечера)

Вступление. Михаил Булгаков писал: «Не может быть, чтобы голос, тревожащий сейчас меня, не был вещим. Не может быть. Ничем иным я быть не могу, я могу быть одним — писателем». О чем мог писать человек, ставший свидетелем полного распада и гибели того культурного слоя, того мира, к которому он принадлежал и ценности которого он исповедовал? Не так давно невозможно было представить себе, что произведения Михаила Афанасьевича Булгакова будут внесены в школьную программу по литературе XX века.

Булгаковский герой Воланд, обращаясь к Мастеру, заметил: "Ваш роман вам принесёт ещё сюрпризы". Так произошло и с книгами самого Булгакова. Теперь, говоря о произведениях, созданных в 20 - 30-е годы XX века, мы не можем обойтись без "Белой гвардии", "Собачьего сердца", "Мастера и Маргариты".

Ныне всё булгаковское до последней строчки опубликовано. Однако далеко не всё осмыслено и освоено. Современным читателям его романов, повестей, пьес суждено

по-своему прочесть его творения и открыть новые ценности, таящиеся в их глубинах.

В жизни каждого талантливой человека есть вехи, которые определяют его судьбу.

Возможно, сегодняшнее знакомство с Булгаковым заинтересует присутствующих его судьбой, личностью, творчеством; заставит по-другому взглянуть на некоторые произведения писателя и оценить их. Начнём наш вечер, посвященный творчеству Михаила Афанасьевича, с короткого знакомства с его биографией, сложной судьбой его произведений.

Просмотр 1-3 части фильма

А. Ахматова. «Памяти М. А. Булгакова»

Вот это я тебе, взамен могильных роз,
Взамен кадильного куренья;
Ты так сурово жил и до конца донес
Великолепное презренье.
Ты пил вино, ты как никто шутил
И в душных стенах задыхался,
И гостью страшную ты сам к себе впустил
И с ней наедине остался.
И нет тебя, и все вокруг молчит
О скорбной и высокой жизни,

О, кто поверить смел, что полоумной мне,
Мне, плакальщице дней погибших,

Мне, тлеющей на медленном огне,
Всех потерявшей, все забывшей, -
Придется поминать того, кто, полный сил,
И светлых замыслов, и воли,
Как будто бы вчера со мною говорил,
Скрывая дрожь предсмертной боли.
1940. Фонтанный Дом.

Просмотр 4-5 части

Ведущий: «Я - мистический писатель», - писал о себе Булгаков, считая себя учеником и последователем Гоголя....

Роман «Мастер и Маргарита» - главный в творчестве Булгакова. Он писал его с 1928 по 1940 год, до самой смерти, сделал 8(!) редакций. Это «закатный» роман, заплачено за него жизнью автора. В сороковые годы, по понятным причинам, он не мог быть напечатан.

Роман вызывал и вызывает острую полемику. До сих пор он приносит сюрпризы и удивляет своей неисчерпаемостью.

Роман Булгакова посвящен вечным проблемам, и они существуют в настоящем так же, как и много веков назад. Какие это проблемы? Назовем их.

- Что такое истина?
- Человек и власть.
- Внутренняя свобода и несвобода человека,
- добро и зло, вечное их противопоставление и борьба,
- верность и предательство. Милосердие и всепрощение.

Каждый выбирает для себя...

Женщину, религию, дорогу,

Дьяволу служить или пророку

Каждый выбирает для себя...

Итак. «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Сатана, представившийся Воландом, странствует по миру с целями, одному ему известными. Во время весеннего полнолуния путешествие приводит его в Москву 1930-х годов — место и время, где никто не верит ни в Сатану, ни в Бога. В Москве, правда, живёт один человек (Мастер), написавший роман о последних днях Иешуа Га-Ноцри (так в романе зовут персонажа, основным прообразом которого явился Иисус Христос). И отправившем его на казнь римскому-прокуратору Понтию Пилату; но и этот человек ныне пребывает в сумасшедшем доме, куда его привело отношение к своему произведению, подвергнутому жёсткой критике со стороны цензоров и современников-литераторов. Роман он сжёг.

Всех людей, вошедших в контакт с Воландом и его спутниками, преследуют наказания за свойственные им грехи и грешки: взяточничество, пьянство, эгоизм, жадность, равнодушие, ложь, грубость, имитацию

Маргарита, возлюбленная Мастера, потерявшая его след после того, как он попал в сумасшедший дом, мечтает только об одном — найти и вернуть его. Надежду на исполнение этой мечты даёт Маргарите Воланд, он просит её стать королевой бала.

Другая сюжетная линия романа, развивающаяся параллельно первой, — непосредственно сам роман о Понтии Пилате, написанный Мастером. В нём рассказывается история Понтия Пилата, который не решился выступить против Синедриона и спасти осужденного на казнь

В конце романа обе линии пересекаются: Мастер освобождает героя своего романа, и Понтии Пилат, после смерти наконец обретает покой и отправляется в бесконечное путешествие по потоку лунного света вместе с Иешуа. Мастер с Маргаритой обретают в загробном мире данный им Воландом «покой»

Сергей Кукарцев

Там, где звёзды светят в лампах,
Чёрный кот на задних лапах
С рюмочкой, как пьяный лабух,
Танцевал ночной фокстрот.

Там свеча в окне горела,
Там варила зелья Гелла,
Там угрюмый Азazelло
Скалил свой клыкастый рот.

Оживали, что за чудо,
Прокуратор и Иуда,
Но в печи сгорала груды
Несгораемых страниц.

Было в ночь окно открыто,
Сатаны плясала свита
И летела Маргарита,
Ханжество подвергнув ниц.

Сила чар царя Воланда
Подняла с колен атланта
И признанием таланта

Мастера вернула в свет.

Торжество добра в финале, -

Эту сказку все читали,

Даже те, кто точно знали,

Что чудес на свете нет.

Просмотр фрагмента «Мастер и Маргарита»

Разговор с Мастером

Владимир Сафонов

За веком век бредёт эпоха,

Томленье, блеск и нищета.

Но до последнего до вдоха

Скрипишь пером о гладь листа.

Не те легли в колоде масти,

Чума, разброд, огонь и смрад.

Рукописи не горят Мастер,

Рукописи не горят.

А ты всё ищешь озарений

И проникаешь в суть людей.

Ведёт тебя твой верный гений,

Искусство выше всех идей.

Разбой в стране, шальные власти,

И жалит в грудь ползучий гад.

Рукописи не горят Мастер,
Рукописи не горят.
Интриги, зависть, сплетни, злоба,
Обман и лесть, стакан, игла.
И вакханалия у гроба
За то, что сжёг себя дотла.
Любовь толпы - простые страсти.
Сначала бьют, потом скорбят.
Рукописи не горят Мастер,
Рукописи не горят.

Чтец:

Маргарита Николавна! Мне бы Вашего терпенья:
Чтоб оно перетянуло, словно нитью, жизнь мою.
Мне бы Вашего уменья - после полного затмения
Не ступить, как ни тонула б, на чужую колею.
Мне бы стать неуязвимой, чтоб не плакать понапрасну.
Мне б любить и быть любимой так, как Вы, и все сносить...

Жить мечтой неисполнимой...

Отвечать, что все прекрасно...

И уйти! И быть счастливой!

Чуда ждать... Но не просить.

Незабвенная доньне, в чем, скажите, Ваша тайна?

Ведь не город, и не имя, не цветы ж всему виной!..

Почему, моей гордыне вопреки, почти реально

То, как царственно, бесстыже, Вы несетесь надо мной?!

Нет! Во мне живет не зависть.

Нет, во мне живет не зависть, -

Человеческая жалость к осознавшей силу зла!

Чудо-крема не касаясь, душу сохранить пытаюсь,

Я бы к дьяволу, спасаясь, ни за что бы не пошла ... Не пошла?

Просмотр фрагмента «Понтий и Иешуа» «Воланд»

Чтец:

Вечер умирал, наступала ночь,

Необычный бал грянул во всю мощь...

Стольная Москва в толк не может взять

Что сюда спешит дьявольская знать

Воланд-господин, всеземнейший князь,

Приказал играть свой безумный вальс,

Черной свиты хор подхватить готов

Громкую хвалу сумеркам богов

Кровь из черепов пьют здесь как вино

Каждый здесь нечист, каждый обнажен

Правит бал мессир - по делам воздаст

Всем, кто из могил прилетел на вальс

Вальс гремит на бис, вальсу вторит гром
Шабашем ночным воздух заражен
И глядит мессир, молчалив и горд,
Как ползет огонь с Воробьевых гор...
Каждому воздаст по делам его,
Слишком много зла здесь на одного!
Тень... свет... темп убыстряется,
Жизнь, смерть... перекликаются,
Жар, бред, пытка надеждой и злость.
Вот вам - казнь и прощение,
Все, все, все в восхищении!
Тень... свет... сердце вдруг оборвалось.
Бал у Князя Тьмы Полночь без пяти, Пять минут,
И душу не спасти...

«И доказательств никаких не требуется»
(сценарий литературного путешествия)

Ведущая проводит беседу с аудиторией перед просмотром фильма по роману М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Все великие произведения многомерны, вроде бы ты их уже прочитал и успел восхититься (или, наоборот, с чем-то не согласиться), но остаются «белые пятна», вопросы, ответов на которые ты так и не нашел, хотя и понимаешь, насколько это важно для более точного, соответствующего авторскому замыслу, восприятия произведения.

Булгаков любил, как известно, разыгрывать своих читателей, друзей и знакомых. Стоит ли поэтому удивляться, что его главный роман полон «недосказанностей», рассчитанных на определенный уровень знаний и просто на догадливость.

За что, например, великого философа Иммануила Канта следовало бы отправить «года на три в Соловки»?

Патриаршие пруды. Встреча Берлиоза и Бездомного с Воландом:

- Но, позвольте вас спросить, - после тревожного раздумья заговорил заграничный гость, как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?

- Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, - ни одно из этих доказательств ничего не стоит... Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

- Bravo! – вскричал иностранец, - bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над собою, соорудил собственное шестое доказательство!

- ...Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки! - совершенно неожиданно бухнул Иван Николаевич.

-Иван! – сконфузившись, шепнул Берлиоз.

Но предложение отправить Канта в Соловки не только не поразило иностранца, но даже привело в восторг»

Случайно ли речь заходит именно о нем, причем на первых же страницах романа?

Почему Мастер «не заслужил света», хотя менее симпатичный Левий Матвей его «заслужил»?

Почему Воланд (Сатана?) вызывает у нас симпатию, тогда как Иешуа Га-Ноцри (Иисус, Сын Божий?) – скорее жалость, чем поклонение?

Нет ли тут «богохульства» и «кощунства». в чем автора романа обвиняли и обвиняют до сих пор?

Как вообще в романе (и в нашей жизни) соотносятся такие понятия, как добро и зло, насилие и милосердие, личная свобода и государственная власть?

Ясно, что ответить на все эти вопросы вряд ли возможно без сопоставления текста романа с содержанием Священного Писания, без учета особенностей той эпохи, которую автор так гениально отразил, соединив вечное и преходящее.

Да, центральная проблема романа – добро и зло. Почему в мире существует зло, почему оно часто торжествует над добром? Как победить зло и возможно ли это вообще? Что есть добро для человека и что есть зло для него? (Ответы аудитории)

Каждый из нас задавал себе хотя бы раз в жизни подобные вопросы. А для Булгакова они приобрели особую остроту оттого, что вся его жизнь была искалечена, смята торжествовавшим в его время и в его стране злом. По Булгакову, зло в том, что люди человечески слабы, ничтожны, трусливы, что они «не совсем люди, не совсем души». Такие люди не могут быть счастливыми, из такого гнилого «человеческого материала» хорошей жизни не построишь.

Так как же победить зло? Установить в обществе торжество принципа справедливости? То есть неотвратимости разоблачения и наказания непрофессионализма, недобросовестности, подлости, подхалимства, лжи? (Ответы аудитории). Но это не будет конечным торжеством добра. Так что не на стороне Воланда главные симпатии и надежды писателя. Окончательное добро могут внести в мир лишь любовь и милосердие – «именно милосердие и любовь призывает положить в основу человеческих отношений и общественного устройства Булгаков» Чтобы добро окончательно победило зло, люди должны научиться творить чудо человечности, «милосердия, которое, в отличие, от понятной и доступной человеку справедливости, остается для человека и чудом, и тайной». Роман Мастера сочтен незаконченным, пока в нем не прозвучали слова прощения Пилату. Начатый с мечты о мщении, возмездии, роман Мастера, да и самого Булгакова, венчался словами прощения». Даже находясь во власти торжествующего зла, человек все-таки упорно продолжает верить в добро.

Булгаков устанавливает «правила игры», по которым мы должны воспринимать роман: «зашоренный» читатель, не пытающийся исследовать само явление (нечистую силу!), а свести все к известным ему шаблонам – «иностранец? шпион? историк?»; «простой человек», испытывающий страх перед «шибко грамотными», потому что он видит свою жизнь ясной и простой, живет, «не вдаваясь в подробности», не примет и не поймет роман, как не поймет он и загадочной фразы Воланда.

- Имейте в виду, что Иисус существовал.

- Видите ли, профессор, - принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, - мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся другой точки зрения.

- А не надо никаких точек зрения! - ответил странный профессор, - просто он существовал, и больше ничего.

- Но требуется же какое-нибудь доказательство... - начал Берлиоз.

- И доказательств никаких не требуется... Все просто: в белом плаще...

Все действительно просто: или ты веришь, или нет.

Так пусть просмотр фильма, размышления о нем пробудят в вас потребность иметь собственную позицию в этом главном вопросе человеческой жизни.

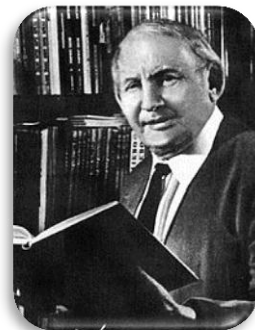
Итак, в путь, вслед за героями романа «Мастер и Маргарита». В Москву... В Иерусалим.

Список использованной литературы:

1. М.А. Бродский. «И доказательств никаких не требуется» // Читаем, учимся, играем. – 2001. - №2. – С.24 – 33.
2. Вадим Слущкий. Роман отчаяния и надежды // Литература. – 2002. - № 27 – 28 – С. 7 – 9.

Автор: Барбоза А.В., библиотекарь.

14 ИЮНЯ
125 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА МЕЛЕНТЬЕВИЧА ВОЛКОВА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ,
ДРАМАТУРГА И ПЕРЕВОДЧИКА
(1891-1977)

«Сказки Изумрудного города»
(викторина по произведениям А.М. Волкова)

Вопросы и ответы.

I. Выбери правильный ответ и подчеркни его:

Сколько лет не умывалась Бастинда:

- двести;
- пятьсот;
- тысячу.

Как называлась пещера, в которой заблудились Элли и Фред:

- Волшебный лабиринт;
- Мамонтова пещера;
- Грот рудокопов.

Кто спас Страшилу, висевшего на шесте посреди реки:

- Аист;
- Кагги-Карр;
- Орёл Карфакс.

Кем стал генерал Лан Пирот после того, как ему сделали приветливое лицо:

- воспитателем в детском саду;
- учителем танцев;
- клоуном.

Как звали жадного наместника Урфина Джюса в Стране жевунов:

- Лорд Варг;

Эрл Мангус;
Кабр Гвин.

II. Чьи это волшебные заклинания:

«Бамбара, чуфара, лорики, ёрики, пикапу, трикапу, скорики, морики».

(Бастинды)

«Баррамба, маррамба, тарики, варики, купорос, шафорос, барики, шарики».

(Элли)

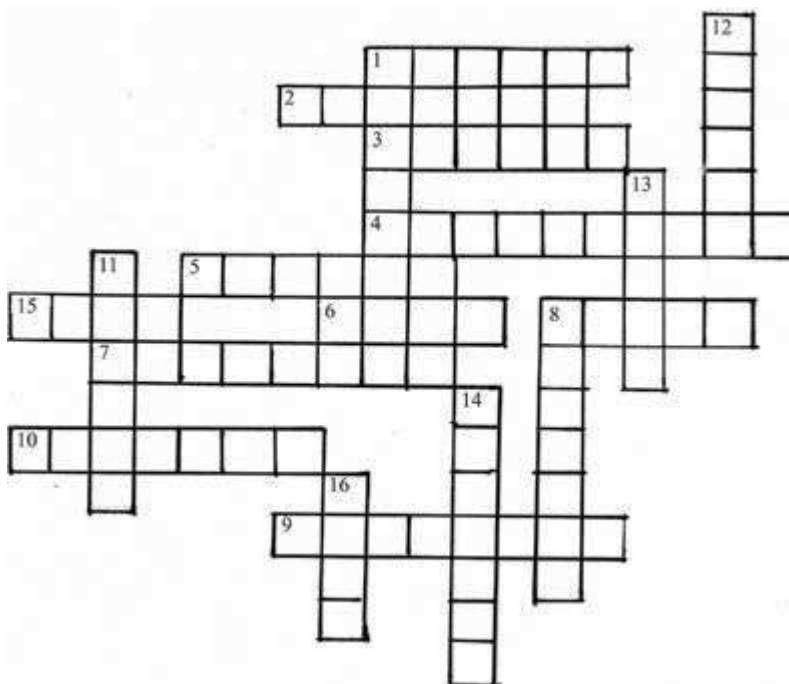
«Пикапу, трикапу, ботало, мотало».

(Виллины)

«Сусака, масака, лэма, рэма, гэма! Буридо, фуридо, сэма, пэма, фэма!»

(Гингемы)

III. Кроссворд.

По горизонтали:

1. Правительница Розовой страны. (Стелла)
2. Пёс, спутник Элли. (Тотошка)
3. Королева мышей. (Раминда)
4. Опасный зверь из Подземной страны. (Щестилапый)
5. Волшебник Изумрудного города. (Гудвин)
6. Фея убивающего домика. (Элли)
7. Чародей, создавший Волшебную страну. (Гуррикап)

8. Тот, кто разрушил источник усыпляющей воды. (Билан)
9. Страж ворот Изумрудного города. (Фарамант)
10. Злая правительница Голубой страны. (Гингема)
15. Фамилия Элли. (Смит)

По вертикали:

1. Соломенный друг Элли. (Страшила)
8. Хранитель времени в Подземной стране. (Беллино)
11. Жители Фиолетовой страны. (мигуны)
12. Жители Голубой страны. (жевуны)
13. Имя «Великана из-за гор». (Чарли)
14. Злой филин, спутник У. Джюса. (Гуамоко)
16. Писатель, придумавший страну Оз. (Баум)

IV. Изумрудный марафон.

Как Лев стал царём зверей? Какое чудовище он победил?

- Он победил гигантского паука - вампира.

Какое важное свойство было у бриллиантов, найденных Элли и Фредом в пещере?

- Они предохраняли от воздействия усыпляющей воды.

Как был спасён Лев, заснувший на маковом поле?

- Его вывезли на телеге мыши.

Чем отличались деревянные полицейские Урфина Джюса от его деревянных солдат?

- Они были тоньше и слабее, но имели длинные ноги и огромные уши.

Что за мышей и пиявок ел на пиру Урфин Джюс?

- Мыши были сделаны из нежного кроличьего мяса, а пиявки - из сладкого шоколадного теста.

Почему жевуны сначала боялись Тоттошку?

- Потому что в Волшебной стране не было собак.

Чем обернулась для жителей подземной страны любовь короля Бофаро к своим семи сыновьям?

- Началась страшная неразбериха с очередностью правления и соблюдением законов. Кроме того, каждый король обзавёлся своей собственной свитой, а кормить всех должен был народ.

Из чего состояла «смелость», которую Гудвин дал выпить Льву?

- Из шипучего кваса с примесью валерьянки.

V. Ты – герой книги.

В конце книги «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» моряк Чарли Блек говорит незадачливому диктатору Урфину: «Эх, приятель, сколько добра ты мог сделать со своим порошком!»

А что бы сделал(а) ты:

с волшебным порошком;
с усыпляющей водой;
с серебряными туфельками.

07 ИЮЛЯ
80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИГОРЯ МИРОНОВИЧА ГУБЕРМАНА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И ПОЭТА
(1936-)

Игорь Губерман родился в 1936 году. После школы поступил в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ), получил диплом инженера-электрика и многие годы работал по специальности. Вскоре после окончания института Губерман познакомился с Гинзбургом - редактором-составителем одного из первых самиздатских журналов «Синтаксис». Какое-то время Губерман успешно сочетал работу инженера с литературной деятельностью.

Родясь не обезьяной и не сфинксом,
я нитку, по которой стоит жить,
стараюсь между святостью и свинством
подальше от обоих проложить.

Писал научно-популярные и документальные книги, сценарии для документального кино. Одна из книг начиналась стихотворением Иосифа Бродского (разумеется, без указания фамилии), находившегося тогда в ссылке. А в самиздате начали распространяться стихотворные миниатюры Губермана, позднее получившие название «гарики». (Гарик - домашнее имя Игоря Мироновича).

Бывает - проснешься, как птица,
крылатой пружиной на взводе,
и хочется жить и трудиться;
но к завтраку это проходит.

В 70-е Губерман - активный сотрудник и автор самиздатского журнала «Евреи в СССР». Люди, делавшие этот журнал (их называли «культурники»), видели свою задачу в распространении среди евреев знаний религии, истории и языка своего народа, вопрос же об эмиграции

считали личным делом каждого. А в 1979 Губерман был арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы, хотя журнал «Евреи в СССР» перестал выходить еще в 1978-м. Желая избежать еще одного политического процесса, власти «пришили» Губерману уголовную статью.

Он вернулся из Сибири в 1984-м. Прописаться не удавалось не только в Москве, но и в маленьких городках, удаленных от столицы более чем на 100 км. Пока, наконец, поэт Давид Самойлов не прописал его в своем доме в Пярну. Работы почти нигде не давали. С 1988 русский писатель Губерман живет в Иерусалиме.

Если крепнет в нашей стае
климат страха и агрессии,
сразу глупость возрастает
в гомерической прогрессии.

Как ни интересна проза Губермана, но все-таки славу ему создали, безусловно, «гарики». Этому немало способствуют его выступления – «в залах концертных и спортивных, в кинотеатрах и кафе, ресторанах и консерваториях, школах и институтах, театрах и синагогах, в христианских церквях самых различных ответвлений (когда нет вечерней службы), в домах для престарелых и молодежных клубах, в залах заседаний и музейных залах: сперва в Израиле, потом в Америке, России, Германии». Число «гариков» перевалило за пять тысяч.

Поскольку жизнь, верша полет,
чуть воспарив - опять в навозе,
всерьез разумен только тот,
кто не избыточно серьезен.

Стихи его живут в нашей необъятной России, став частью народного фольклора. Его сборники «Гарики на каждый день» и «Иерусалимские гарики» никогда не залеживаются на книжных полках в магазинах, а творческие вечера дарят людям огромную радость живого общения с бесконечно мудрым и веселым человеком.

14 АВГУСТА
150 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА
МЕРЕЖКОВСКОГО,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ, ПОЭТА,
ПЕРЕВОДЧИКА И ЛИТЕРАТУРНОГО
КРИТИКА
(1865 - 1941)

«Одиночество в любви»

Я думаю, из писателей, писавших в России...,
было мало принявших в душу столько печали».

В. В. Розанов

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу
Как будто стыдно мне – я говорить не смею.

В близости ко мне живой души твоей
Так все таинственно, так все необычайно,-
Что слишком страшною божественною тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

Мережковский Дмитрий

Дмитрий Мережковский родился в 1866 году в Петербурге в небогатой дворянской семье. Рос хрупким, болезненным мальчиком. В тринадцатилетнем возрасте стал писать стихи. Несмотря на то, что с отцом у него не было душевной близости, именно Мережковский – старший обратил внимание на поэтический дар сына. В 15 лет отец его отвел к Ф.М. Достоевскому, который прочитав стихи,

раскритиковал их и заметил, что они очень слабые и бездарные, добавив – для того, чтобы написать хорошие строки, надо много страдать. В ответ отец воскликнул – «Пусть лучше не пишет ничего, только чтобы не страдал». На подростка эта встреча произвела тяжелое впечатление. Он нервничал, бледнел, заикался, как признается в воспоминаниях, и был оскорблен уничижительным замечанием писателя.

Дмитрий Мережковский был выпускником историко-филологического факультета Петербургского университета, человеком с широким кругозором и разнообразными дарованиями. Он освоил чуть ли не все жанры литературного творчества – прозу, поэзию, эссеистику, критику, драму, художественный перевод. Большую славу ему принесли книги, посвященные русским писателям 19 века – Достоевскому, Толстому, Гоголю, но самый большой успех завоевали не стихи Мережковского, и не проза, а пьеса «Павел I».

Главной заслугой Дмитрия Мережковского в истории литературы является то, что он был одним из основоположников русского символизма. Его сочинения во многом определили круг мотивов, характерных для литературы русского «серебряного века», о безысходности одиночества в человеческой жизни, о призрачности и обманчивости чувств.

...В просветленной, трогательной дали,
Что неясна, как мечты мои,—
Не печаль, а только след печали,
Не любовь, а только след любви...

...В своей тюрьме,- в себе самом,
Ты, бедный человек,
В любви, и в дружбе, и во всем
Один, один навек!..

Знакомство с главной женщиной его жизни Зинаидой Гиппиус состоялось весной на водах Кавказа в Боржоми. Они считали, что эта встреча была предопределена свыше и носила мистический характер. Год назад умерла его мама, женщина, обладающая редкостной красотой и ангельским характером. Она оказала большое влияние на его духовное становление. Юный Мережковский очень переживал эту потерю и нуждался в душевной поддержке, хоть к тому

времени уже выпустил свой первый сборник «Стихотворения» и был известным поэтом. Злые языки утверждают, что именно его известность и популярность послужила причиной того, что яркая статная девушка обратила внимание на этого шупленького и невзрачного молодого человека. Может быть его известность и способствовала первому интересудевушки, но чем больше они проводили время вместе, тем сильнее их тянуло друг к другу. В воспоминаниях своих Зинаида Гиппиус признавалась, что они не могли наговориться. Это были споры, ссоры, но каждая встреча их только соединяла и показывала, что они поразительно дополняли друг друга.

В январе 1889 года Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус обвенчались в Тифлисе. Ей было 19, а ему 23 года. Современники говорили, что их союз не был по настоящему супружеским, а носил чисто духовный характер. Они оба отрицали физическую близость в браке, сразу решили, что у них не будет детей, хоть творческий союз их был очень плодотворен. Без нее Мережковский бы замолчал, а без него все идеи Зинаиды Гиппиус остались бы только словами, считают критики.

«Как бы ни относиться к духовности Мережковского, начала природного... и плотского в нем пожалуй, совсем не было. Оба они — и он, и Зинаида Гиппиус — так и прошли через всю жизнь особыми существами, полутенями, полупризраками (в литературе. В жизни бывали, он особенно, иногда очень «жизненными»)), - Борис Зайцев.

Конец 19 века молодые супруги провели в путешествиях по Европе – Венеция, Рим, Париж, Греция, Турция. Мережковский переводил с латыни и греческого античные трагедии, переводил Гете, выступал преимущественно как публицист, критик, прозаик. Стал основателем журнала «Новый путь». Благодаря его сборнику стихов «Символы», появилось новое поэтическое направление. В 1914 году выходит двадцатичетырехтомное собрание сочинений писателя.

Все современники понимали, а в последствии и биографы признали, что этому семейному союзу суждено было сыграть важную роль в истории русской культуры. Зинаида Гиппиус устроила известнейший литературный салон, где собирались многие видные деятели культуры того времени. Весь Серебряный век прошел через ее гостиную. И Мария Моравская, и К. Бальмонт, и Г. Иванов, да практически все поэты... Зинаида Гиппиус была не просто

вдохновительницей, но и активной участницей всех случавшихся дискуссий. Яркая, импозантная, провоцирующая... А он... «маленький человек с бледным, белым лицом и большими, брошенными вдаль глазами...» (А. Белый)

Мережковского не любили. Он был очень закрыт. Даже с женщиной, с которой он прожил более 50 лет, он был скрытен. И Зинаида Гиппиус признается, что лишь в редкие моменты приоткрывалось то, что лежало у него глубоко. Он был замкнут, но как-то очень органично замкнут. Все отмечали, что он всегда «застегнут на все пуговицы» и от него веет холодом. К нему невозможно было подойти и запросто хлопнуть по плечу. Многих это его «состояние в себе» раздражало, некоторых пугало. Он был чужим в компании. Слишком сухой, слишком надменный, слишком скрупулезный и дотошный. Но это со стороны... На самом деле, он как-то признался в доверительной переписке

«Я страшно стыдлив, невероятно робок, до глупого застенчив, и от этого происходит то, что Вам кажется моей неискренностью. О самом моем глубоком я совсем, совсем не могу говорить».

В жизни Д.С. Мережковского был "тихий светлый ангел", юная художница Ольга Флоренская, родная сестра П.А. Флоренского, известного священника, богослова, философа и ученого-энциклопедиста.

Как-то Дмитрий Мережковский получил письмо от девушки, написанное изящным почерком, хотел отложить (он часто получал письма от своих поклонниц), но, кинув беглый взгляд на него, уже не мог оторваться.

«Со страниц письма на него пахнуло желанное и желаемое: спокойствие, покой, тишина. Ее письма и эпистолярный диалог с ней стали потребностью души, ненасыщаемой тягой к общению. Мережковского и его юную корреспондентку разделяли 3 тысячи верст и четверть века разницы в возрасте. Но ее письма стали необходимы ему, как воздух и как чистая вода источника жаждущему».

Тихих ли глаз твоих вновь,
Тихих ли звезд ожидаю?
Что это в сердце — любовь
Или молитва — не знаю.

Ольгу Флоренскую приняла и полюбила Зинаида Гиппиус, она стала вхожа в их круг.

Дружба Ольги и Мережковского длилась 7 лет – вплоть до неожиданного ухода девушки из жизни. Именно Ольге Мережковский посвятил стихи, которыми начинается эта статья.

Он раскрывался в своих стихах. Но эта его страстность, нежность, пронзительность строк никак не вязалась с его холодным и рассудочным характером. Мережковский и стихи, да еще стихи о любви, о душе, о чувствах – это просто неестественно. Ведь окружающие считали, что он не умеет любить...

...Война, революция, пришествие «грядущего хама» ... Следующим после Ольги, кто ушел из жизни, был Владимир ЭРН, скончавшийся в 1917 году. На «философском корабле» отчалил от родных берегов Николай Бердяев. Покинули Россию Сергей Булгаков, Александр Ельчанинов, Антон Карташев. В эмиграции они продолжали нести негасимую свечу веры, поддерживая ее в сердцах русских изгнанников. А.В.Карташев основал в Париже Богословский институт Святого Сергия, где до конца жизни преподавал отец Сергей Булгаков, рукоположивший в священство Александра Ельчанинова. В России от голода скончался потерявший любимого сына Василий Розанов, в ссылке умер Валентин Свенцицкий. Принявший монашество Михаил Новоселов был расстрелян в 1938 году, «не снявший сана» Павел Флоренский — в 1937-м. Мережковские в 1919 году бежали из России. Через год в Польше распался их союз с Дмитрием Философовым, ушедшим от них к Борису Савинкову. Мережковские обосновались в Париже, металась по Европе, бросаясь из крайности в крайность вплоть до контактов с итальянскими и германскими фашистами и теряя друзей. Дмитрий Мережковский умер в 1941 году, через четыре года скончалась Зинаида Гиппиус. Они пережили Ольгу на четверть века и были погребены за три тысячи верст от родины. Вместе с ними умерла и идея церкви Третьего Завета. Сестры Зинаиды Гиппиус Наталья и Татьяна остались в России и жили в лишениях. Во время Великой Отечественной войны они оказались в оккупированной зоне и были вывезены в концлагерь в Германию. После освобождения обе работали реставраторами, восстанавливая разрушенные во время войны памятники Новгорода.

В эмиграции Зинаида Гиппиус собиралась писать об Ольге и их дружбе очерк, о чем сообщила в письме к секретарю Мережковских В.А.Злобину 3 декабря 1922 года. Однако замысел не реализовался, и мы отчасти восполняем

пробел публикацией ее писем. Помнил ли о ней, своем «тихом и светлом ангеле» Дмитрий Мережковский? Помнил ли поэт и человек о девочке-женщине, воплотившейся Вечной Женственности, столь близкой и недоступной, искомой и ускользающей, манящей и недостижимой, чаемой и влекущей с вечной влюбленностью в нее? Помнил ли то, о чем таинственно и тихо промолчал в одном из своих стихотворений:

Как часто выразить любовь мою хочу,
Но ничего сказать я не умею,
Я только радуюсь, страдаю и молчу:
Как будто стыдно мне — я говорить не смею.

Но в близости ко мне живой души твоей
Как все таинственно, так все необычайно, —
Что слишком страшную божественную тайной
Мне кажется любовь, чтоб говорить о ней.

В нас чувства лучшие стыдливы и безмолвны,
И все священное объемлет тишина:
Пока шумят вверху сверкающие волны,
Безмолвствует морская глубина.

«В России меня не любили и бранили; за границей меня любили и хвалили; но и здесь, и там одинаково не понимали моего», — писал Мережковский Бердяеву.

Дмирий Мережковский не воспринял революцию. Он истолковал происшедшее как разгул «хамства», воцарение «народа-Зверя».

Доброе, злое, ничтожное, славное,-
Может быть, это всё пустяки,
А самое главное, самое главное
То, что страшней даже смертной тоски,-

Грубость духа, грубость материи,
Грубость жизни, любви – всего;
Грубость зверихи родной, Эсэсэрии,-
Грубость, дикость,- и в них торжество.

Может быть, всё разрешится, развяжется?
Господи, воли не знаю Твоей,
Где же судить мне? А все-таки кажется,

Можно бы мир создать понежней.

Прожив два года в Советской России, Мережковский возненавидел большевизм и решил уехать с женой из страны.

А мы готовы всего лишиться, только бы не быть собою.

В 1920 году они эмигрировали в Париж. В Париже у них еще с дореволюционных времен осталась квартира. Это было очень важно для адаптации.

Они открыли свою квартиру своим ключом, их ждала своя постель, своя посуда и своя любимая многотомная библиотека, ведь Мережковский ни дня не мог прожить без книг. Дмитрия Мережковского прозвали «полководцем цитат», так как он часто и блистательно цитировал многих авторов. Он был великолепным оратором. И, по словам А. Меня, буквально жонглировал цитатами, как искуснейший циркач.

В 1926 году Мережковские организовали литературное и философское общество «Зеленая лампа», продолжение одноименного общества начала XIX века, в котором принимал участие А.С. Пушкин. Президентом «Зеленой лампы» стал Г. Иванов.

Это общество сыграло видную роль в интеллектуальной жизни первой эмиграции. Зинаида Гиппиус оказалась опять в своей стихии. Каждое воскресенье от 16 до 17 часов почти 20 лет у них традиционно собирались талантливые люди – цвет русской эмиграции – Иван Бунин, Константин Бальмонт, Надежда Тэффи, Иван Шмелев, Николай Минский, Николай Бердяев, Г. Адамович, Ирина Одоевцева, С. Маковский, Ю. Мандельштам и многие другие.

Вокруг Мережковских бурлила жизнь, они были эпицентром русской литературной жизни нескольких поколений. Дмитрий Мережковский верил, что историческая миссия эмиграции – борьба с большевизмом любыми способами. «Россия вберет в себя Европу через любовь» Именно России отводилась роль всемирного спасителя.

В 1931 г. Дмитрий Сергеевич Мережковский был выдвинут на получение Нобелевской премии, но она досталась Ивану Бунину.

В конце 30-х годов Мережковский увлекся идеями фашизма, он даже встречался с Муссолини. В Гитлере он видел избавителя страны от коммунизма – «нравственной болезни» России. После нападения Германии на СССР

Мережковский выступил на немецком радио. В своей речи «Большевизм и человечество» он сравнил Гитлера с Жанной д'Арк, надеялся, что он спасет мир от смертельно опасного коммунистического зла и немецкие солдаты были представлены им как благородные рыцари.

«...Он всю жизнь твердил об Антихристе, и когда этот Антихрист, каким можно считать Гитлера, появился перед ним, — Мережковский не разглядел, проглядел его» (Ирина Одоевцева).

После этого выступления от них отвернулись все. Сотрудничества с Гитлером (заклучавшегося в этой его речи) ему не простили, хоть практически вся речь была посвящена все-таки критике большевизма.

Биограф Ю. В. Зобнин утверждает, что Мережковский — «...легко узнаваемый тип российского неприкаянного художника-неудачника... очень неуверенного в себе, вечно мятущегося, подчас — нелепого, подчас — наивного и сверх меры наделенного сугубо русским талантом — хроническим 'неумением жить'»

Но горек твой удел, мечтатель бесполезный:
Не нужен никому, от жизни ты далек.
И, трепетно склоняясь над сумрачною бездною
Неразрешимых тайн, ты вечно одинок...

Мережковский оказался в полной изоляции. Два пожилых человека, нуждающихся не только в моральной, но и в материальной поддержке, остались практически одни. Никто не мог пройти мимо этой странной пары, гуляющей по Парижу, не оглянувшись. Какая грустная картина встает перед глазами, когда читаешь воспоминания М. О. Цетлина: «Вот он идет по узкой улице Пасси с женой. Он весь согбен возрастом, который гнет человека к земле, как бы ни был высок его дух, как бы ни были устремлены вверх его взоры. Маленький, сухонький старик, идущий медленной стариковской походкой. Уже близка весна, но на нем тяжелая старомодная шуба, выцветшая и сохранившаяся от лучших времен. Он и жена кажутся хрупкими, словно фарфоровыми на этой улице, среди спешащих прохожих. Они должны перейти через улицу и робко остановились перед потоком автомобилей и велосипедистов. Зинаида Николаевна прижимает к себе руку мужа, словно успокаивает его. Как они слабы и заброшены в этом людском потоке, эти два стареющих писателя».

Все это уж было когда-то,
Но только не помню, когда...

7 декабря 1941 года Дмитрий Сергеевич ушел в иной мир. На похороны пришло несколько человек... Незадолго перед смертью, узнав о зверствах фашистов, он совершенно разочаровался в Гитлере.

Зинаида Гиппиус тяжело переживала смерть супруга. «Я умерла, осталось умереть только телу», — признавалась после его смерти.

Двигался, работал, действовал, стремился, боролся всю жизнь, и

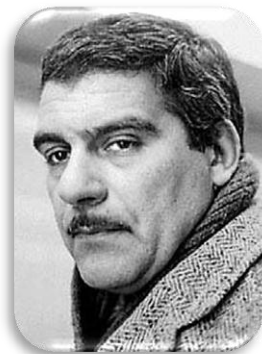
вдруг остановка, неподвижность, бесцельность, праздность, покой – смерть.

Если розы тихо осыпаются,
Если звезды меркнут в небесах,
Об утесы волны разбиваются,
Гаснет луч зари на облаках,

Это смерть,- но без борьбы мучительной,
Это смерть, пленя красотой,
Обещает отдых упоительный,-
Лучший дар природы всеблагой.

У нее, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтоб с улыбкой кроткой и торжественной
Свой конец безропотно встречать.

03 СЕНТЯБРЯ
75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ДОНАТОВИЧА ДОВЛАТОВА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ
(1941 - 1990)

Сергей Довлатов родился 3 сентября 1941 в Уфе, в эвакуации. С 1944 родители вернулись с ним в Ленинград.

В 1958 году закончил среднюю школу-десятилетку. Год проработал в цинкографии типографии им. Володарского для получения рабочего стажа. После этого поступает на финское отделение филфака ЛГУ. В 1962 году за неуспеваемость был отчислен. И в том же 1962 году был призван в армию.

Он попадает в военизированную охрану. Первый год армейской службы прошел на Севере, в республике Коми. Остальные два года – под Ленинградом. Опыт армейской жизни с постоянным наблюдением за зеками с одной стороны и их охранниками с другой дал ему богатый материал для рассказов, которые позже составили книгу «Зона». Бродский в эссе «О Сереже Довлатове» писал: «Потом он исчез с улицы, потому что загремел в армию. Вернулся он оттуда, как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде».

После армии Довлатов поступает на работу в многотиражку Кораблестроительного института «За кадры верфям», идет на вечернее русское отделение филфака. Но очень скоро переводится на факультет журналистики. Через короткое время прекращает занятия, не ощущая в них надобности. Все время пишет рассказы, общается с другими молодыми писателями и поэтами - от Марамзина до Бродского. Позже работает литературным секретарем Веры Пановой, время от времени пишет внутренние рецензии в журналах «Нева» и «Звезда».

Осенью 1972-го Довлатов на несколько лет уезжает из Ленинграда в Эстонию - в Таллинн. Там он сначала работает кочегаром. График работы удобный - вдвоем раз в четыре дня, но сама работа ему не нравится. Затем Сергей Довлатов

становится ответственным секретарем газеты «Моряк Эстонии». Позже устраивается на штатную работу в ежедневной газете «Советская Эстония».

В Эстонии у Довлатова впервые за многие годы появляется надежда на публикацию собственной книги. Публикацию одобряют, работа идет, книга «Пять углов» уже набрана в типографии. И тут во время обыска у одного из знакомых Довлатова КГБ находит рукопись «Зоны» - и все рушится. Публикацию книги запрещают - типографию заставили рассыпать готовый набор. В «Советской Эстонии» проходит традиционное для таких случаев в СССР разгромное собрание «трудового коллектива», а затем Довлатова увольняют. Он пытается получить объяснение хоть от какого-то должностного лица - партийного ли, КГБ: почему уничтожена книга и за что конкретно он наказан? Но ответственных не находится. Не добившись никакого ответа, Довлатов возвращается в Ленинград, где ему чуть позже удается устроиться работать в журнал «Костер».

В 1976-м произведения Довлатова публикуют западные журналы «Континент» и «Время и мы». Это очередной скандал для советской власти - и Довлатова исключают из Союза журналистов СССР. В СССР его рассказы по-прежнему не печатали. Как и до Таллинна, отзывы внутренних рецензентов издательств были весьма благожелательными, даже хвалебными, но оканчивались одним и тем же вердиктом: отказать. А после публикаций в западных журналах давление КГБ постепенно усиливалось, приближаясь к тому, чтобы поставить писателя перед тем же выбором, с которым сталкивались самые решительные диссиденты: сидеть или эмигрировать («я уехал, чтобы стать писателем, и стал им, совершив несложный выбор между тюрьмой и Нью-Йорком»).

Вот только Довлатов не был диссидентом. Он был художником. Писал идейно чуждые рассказы, но не боролся с режимом. Позже он размышлял уже о Пушкине: «Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее». «Он вообще считал, что литература и политика не имеют между собой ничего общего», - пишет Арьев во вступлении к сборнику сочинений Довлатова. Сергей считал, что строчка Бродского «Даже стулья плетеные держатся здесь на болтах и на гайках» более убийственна для советской власти, чем публикация подробных расследований обо всех преступлениях Берии. Не исключено, что так оно и было.

По рекомендации своего университетского друга Андрея Арьева на два летних сезона (1976-го и 1977 годов) Довлатов приезжает поработать экскурсоводом в Пушкинский заповедник. Он снимает комнату в доме в деревне Березино, недалеко от Михайловского. Позже, в 1990-х, его выкупила у прежних хозяев вышедшая на пенсию московская учительница. С 3 сентября 2011 дом официально стал Домом-музеем Довлатова. В нем нет никаких вещей, принадлежащих Довлатову, но воссоздана обстановка, напоминающая 70-е годы прошлого столетия.

Довлатов трепетно относился к творчеству Пушкина. Эти пушкинские места теперь стали отчасти и довлатовскими: по мотивам пребывания здесь Довлатов написал книгу «Заповедник».

В 1978 Сергей Довлатов эмигрирует из СССР. Он долго не хотел уезжать. Он очень медленно приближался к этому тяжелому для себя моменту. Жена Елена Довлатова и дочь Катя к тому времени уже жили в Америке. «Сергей очень долго шел к тому, чтобы уехать. Я думаю, он решил, что это - последняя граница его жизни и больше он этот мир никогда не увидит», - предполагает Андрей Арьев, друг Довлатова (сейчас один из главных редакторов журнала «Звезда»).

Довлатов уехал, чтобы стать профессиональным писателем - и он им стал. За 12 лет жизни в эмиграции на русском языке были изданы 12 книг Сергея Довлатова. Также он написал книгу «Демарш энтузиастов» вместе с Вагричем Бахчаняном и Наумом Сагаловским (1985) и книгу про русскую культуру в портретах и анекдотах - «Не только Бродский» в соавторстве с Марианной Волковой (1988). В США рассказы Сергея Довлатова регулярно публикуют в журнале *New Yorker*, о котором мечтали многие знаменитые американские писатели - такие, как Курт Воннегут, который прислал Довлатову короткое письмо по поводу его публикации в *New Yorker*. «Невидимая книга», «Соло на ундервуде», «Компромисс», «Зона», «Наши», «Марш одиноких» - все эти книги публикуются впервые и переводятся на английский, немецкий, индийский, польский и другие языки. В 1986 он стал лауреатом американского пенклуба за лучший рассказ. В США Довлатов получил признание как писатель, но размышлял об этом так: «Бог дал мне именно то, о чем я всю жизнь его просил. Он сделал меня рядовым литератором. Став им, я убедился, что претендую на большее. Но было поздно. У Бога добавки не просят».

«Когда я с ним познакомился, я считал, что для Сережи главное в жизни - девушки. Потом я думал, что выпивка. И лишь потом я начал понимать, что главное для него - это литература. Сам он в последнее время утверждал, что главное для него - семья», - вспоминает Арьев.

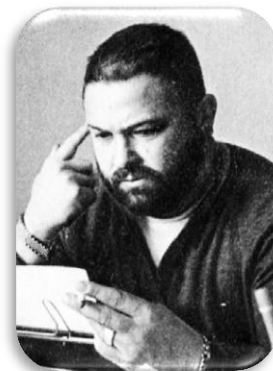
Довлатов стал одним из четырех человек, которые создали газету «Новый американец». Позже он стал ее главным редактором, хотя в интервью Виктору Ерофееву подчеркивал: «Это была скорее протокольная должность, а на самом деле существовало коллегиальное руководство». Газета стала популярной среди русскоязычных эмигрантов. Колонки Довлатова из «Нового американца» позже издавались отдельной книгой «Марш одиноких» (1983). Одновременно Довлатов работает внештатным корреспондентом на радио «Свобода».

Арьев вспоминает слова Довлатова: «Я обо всем могу вспоминать, но о некоторых местах в Питере и о Пушкинских Горах даже вспоминать не могу, так сердце начинает колотиться».

24 августа 1990 Сергей Довлатов умер в машине скорой помощи в Нью-Йорке от сердечной недостаточности. Книга «Заповедник» в России вышла через две недели после его смерти, и Андрею Арьеву на обложку пришлось дописывать уже некролог.

Арьев рассказывает и другое: «Главной мечтой Сережи Довлатова была очень странная вещь - он хотел, чтобы внуки его врагов прочитали его рассказы с радостью и улыбкой. Внуки действительно читают».

08 ОКТЯБРЯ
85 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЮЛИАНА СЕМЕНОВИЧА СЕМЕНОВА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ, ПОЭТА,
СЦЕНАРИСТА И ЖУРНАЛИСТА
(1931 - 1993)

Приказано выжить: 20 знаменитых цитат
из произведений Юлиана Семёнова

В советское время романы Семёнова вносили разнообразие в монотонную жизнь, оживляя её вымышленными событиями из жизни разведчиков, контрразведчиков, сыщиков и спецагентов

8 октября 1931 родился известный русский писатель, сценарист и поэт, один из пионеров жанра "журналистские расследования" Юлиан Семёнов.

Будущий автор "Семнадцати мгновений весны" вырос в семье редактора Семёна Александровича Ляндреса, необоснованно репрессированного в 1952 году, и учительницы истории Галины Николаевны Ляндрес (Ноздрёвой).

В 1953 году молодой человек окончил ближневосточный факультет Московского института востоковедения, после чего преподавал в МГУ афганский язык (пушту), параллельно обучаясь на историческом факультете. В 1955 году он попробовал себя в журналистике - впоследствии статьи Семёнова публиковались в "Огоньке", "Правде", "Литературной газете", "Комсомольской правде" и "Смене".

Первым художественным произведением писателя стал цикл новелл о геологах "Пять рассказов из жизни геолога Н. И. Рябиной" (1958), за которым последовали циклы новелл о полярных лётчиках и строителях Таёжной и Южно-сибирской магистралей, исторический роман о востоковеде и тайном агенте Иване Виткевиче "Дипломатический агент" (1959), а также сборник автобиографических новелл "37-56" (1962). В 1960 году Юлиан Семёнович стал членом Союза писателей СССР.

В шестидесятые и семидесятые годы писатель много работал за рубежом: он бывал в тайге, на полярной станции, на строительстве БАМа и на вскрытии алмазной трубки, выслеживал укрывающихся от возмездия гитлеровцев и главарей сицилийской мафии, участвовал в боевых операциях вьетнамских и лаосских партизан.

В 1966 году был издан первый из романов о Штирлице "Пароль не нужен", рассказывающий о его внедрении в белогвардейское движение на Дальнем Востоке в 1921-1922 годы. Всего разведчику Максиму Исаеву посвящено 17 романов, самыми известными из которых являются "Майор Вихрь" (1967), "Семнадцать мгновений весны" (1969), "Бриллианты для диктатуры пролетариата" (1971) и "Приказано выжить" (1982).

В Мадриде Семёнову удалось взять интервью у нацистского преступника и любимца Гитлера Отто Скорцени, до этого категорически отказывавшегося встречаться с журналистами; в Германии он побеседовал с рейхминистром Альбертом Шпеером и одним из лидеров СС Карлом Вольфом. Вместе с бароном Эдуардом фон Фальц-Фейном писатель создал Международный комитет по поиску Янтарной комнаты, членами которого были Жорж Сименон, Джеймс Олдридж и Георг Штайн. В результате их деятельности в Россию был возвращён прах Фёдора Шаляпина, часть библиотеки Дягилева-Лифаря, уникальный гобелен с изображением царской семьи из Ливадийского дворца и многие другие культурные ценности.

На протяжении всей жизни Семёнов писал сценарии для кино, преимущественно по мотивам своих произведений. Полная фильмография писателя насчитывает более 20 экранизированных произведений, среди которых такие любимые зрителями картины, как "Петровка, 38" (1980), "ТАСС уполномочен заявить..." (1984) и "Противостояние" (1985).

В 1989 году он учредил первое частное советское издание "Совершенно секретно". Супруга писателя Ольга рассказывала: "Юлиан Семёнов никогда не был сребролюбив и одним из первых занялся в России благотворительной деятельностью... В основанной им газете он получал символическую зарплату - 1 рубль в год".

В 1986 году Семёнов стал президентом Международной ассоциации детективного и политического романа и главным редактором сборника "Детектив и политика". Ещё два года спустя, заручившись поддержкой Василия Ливанова и

Виталия Соломина, он открыл Московский экспериментальный театр "Детектив" в помещении Центрального дома офицеров. В 1992 году, когда Юлиан Семёнович уже находился в состоянии тяжёлой болезни после перенесённого в 1990 году инсульта, уникальный театр был закрыт из-за конфликта на почве аренды помещения. 15 сентября 1993 года писателя не стало.

"Вечерняя Москва" предлагает вашему вниманию подборку знаменитых цитат из произведений мастера детективного жанра.

"Майор Вихрь" (1967)

"Залог дружбы - это разность индивидуальностей".

"Когда человек арестован, он перестает бояться за себя - он боится за друзей".

"Каждый народ заслуживает своего правительства".

"Либо художник воспеваает ту государственность, которой он служит, либо он противостоит ей: молчанием, тематикой, эмиграцией".

"Семнадцать мгновений весны" (1969)

"Слабые люди обычно кричат или бранятся, а громилы плачут. Слабые – это я неверно подумал. Добрые – так сказать вернее. И только самые сильные люди умеют подчинять себя себе".

"Призвание вождя - это величие нации! Удел вождя - скромность! Профессия вождя - точное соотнесение обещаний с их выполнением!"

"Для меня бык – это бык, а для Пикассо – предмет, необходимый для самовыражения".

"Государства – как люди. Им претит статистика. Их душат границы. Им нужно движение – это аксиома. Движение – это война".

"Самолюбие - как нижнее бельё: его надо иметь, но не обязательно показывать".

"Ясность - одна из форм полного тумана".

"Бриллианты для диктатуры пролетариата" (1971)

"Можно врагов опасаться, голода, болезней... Только нельзя бояться истории своего государства и его культуры..."

"Литература страшна азиатским владыкам: их народы темны и поэтому, словно дети, верят игрушкам - книгам. Устоявшиеся демократии могут себе позволить любую нематериальную блажь, даже свободное слово".

"Дело, которое пожирает тебя, - вот единственное спасение от химер и страхов. Государственная политика -

дело ли это? И да и нет. Она вне логики. Она абстрактна и в то же время субъективна".

"Правы были римляне - нет ничего страшнее восставших рабов: их свобода безгранична, а идеалы проникнуты варварством и жестокостью, потому что проповедуют они всеобщую доброту, а всеобщего нет ничего, кроме рождения и смерти."

"Приказано выжить" (1982)

"Поражение раздевает общество, обнажает хорошее и дурное".

"Чтобы на земле восторжествовало равенство, надо сначала очень четко договориться: отнюдь не все люди равны перед Богом".

"Только самые сильные люди умеют подчинять себя себе".

"Это свойство русского человека за границей – считать соплеменника товарищем, а знакомого, пусть даже случайного, - закадычным другом – тоже было точно подмечено Штирлицем..."

"Идиоты пишут в романах: он умер тихо, на руках у любящих родственников. Нет ничего страшнее, чем умирать на руках своих детей, видеть их в последний раз, чувствовать их близость и понимать, что это навсегда, что это конец, и тьма, и горе им..."

"Самые счастливые люди на земле те, кто может вольно обращаться с временем, ничуть не опасаясь за последствия".

Автор: Илья Маршак, Вечерняя Москва

20 НОЯБРЯ
100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ДУДИНА,
РУССКОГО ПОЭТА,
ПЕРЕВОДЧИКА И
ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
(1916 -)

Время, судьба, поэзия...

Время, судьба, поэзия... Эти слова служат ориентирами в творчестве замечательного поэта Михаила Александровича Дудина.

20 ноября 2009 года поэту Михаилу Дудину исполнилось бы 93 года. Его имя хорошо известно даже тем, кто никогда не держал в руках сборников его стихов. Он нередко выступал по телевидению и радио. Песни на его стихи и по сей день звучат в эфире. О Михаиле Александровиче, авторе более сорока книг поэзии и прозы, написаны статьи, книги и научные работы. Традиционно осенью, в день рождения поэта, на Фурмановской земле проводится Дудинский фестиваль. Это целый цикл мероприятий в память о поэте.

Михаил Дудин никогда не забывал свою малую родину, часто приезжал в родные места. Он всегда был желанным гостем в редакции нашей Фурмановской газеты «Новая жизнь».

Все, что прошло, и все, что станется,
О чем я плакал и молчал.
Нежнее с каждым годом тянется
Туда, к началу всех начал.

Он свято хранил память о своей матери и пожелал быть похороненным рядом с нею, в селе Вязовское Фурмановского района, неподалеку от родной деревни Клевнево.

^ Там в водополье веет влажный ветер,
Болота превращаются в моря...
Вот там и есть - милей всего на свете -
Единственная родина моя.

Родился М.А. Дудин в маленькой деревушке Клевнево на берегу речки Молохты, в двадцати километрах от Иваново-Вознесенска. Родители его, как и большинство местного населения, подрабатывали на фабрике: отец - раклистом, мать - ткачихой. Недалеко от деревни, в селе Бибирево, находилась школа, которую он окончил в 1927 году. Затем Михаил Александрович учился в школе крестьянской молодежи, затем в текстильной фабрике-школе. После окончания был направлен на работу в комсомольскую газету "Ленинец". Так он стал журналистом. Работал в Иванове, Комсомольске, в Кабардино-Балкарии. Одновременно учился на вечернем отделении педагогического института.

Сочинять стихи Михаил Дудин начал рано, как только научился писать. В своей автобиографии он напишет: "Мне очень хотелось быть поэтом". В 1939 году Дудина призвали в армию. Она переименовала и определила его судьбу. Сразу после мобилизации ушел на финский фронт. Служил в конном взводе разведки, окончил войну в Выборге. С первого до последнего дня войны был на острове Ханко, на Гангуте. Там и написал книгу стихов о финской войне. Они были напечатаны в двух номерах журнала "Звезда". Великую Отечественную войну он встретил там же, на полуострове Гангут.

В душе моей живут два крика
И душу мне на части рвут.
Я встретил день войны великой
На полуострове Гангут.

Я жил в редакции под башней
И слушать каждый день привык
Непрекращающийся, страшный
Войны грохочущий язык. (М.Дудин)

Михаил Дудин считается ленинградским поэтом. В этом городе родились его первые поэтические строки. Он геройски защищал его в годы войны и остался жив, чтобы потом написать свои лучшие стихи о Великом солдатском подвиге! Михаил Александрович часто встречался с молодежью, всегда много и правдиво рассказывал о войне, читал свои стихи.

Поэт, по мнению самого Михаила Александровича, это не профессия, а «редкостная человеческая судьба. Поэт — это талант, освященный любовью к поэзии и жизни, закаленный

опытом мужества познания жизни, влюбленный в эту жизнь, в корневую систему своего родного народа и его языка».

Мир поэзии М.А. Дудина создан любовью и добром. Он насторожен, этот мир, и прекрасен, как само наше время, ошеломляющее нас и поднимающее нас к действию.

24 ДЕКАБРЯ
115 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
ФАДЕЕВА,
РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ И
ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ
(1901 - 1956)

Памяти "Молодой гвардии" Краснодона
Звучит торжественная музыка
Ведущий. Большинству из вас хорошо известны строки,
написанные знаменитым поэтом Робертом Рождественским,
строки, справедливее которых и быть не может:

Вспомним всех поименно,
Горем вспомним своим.
Это нужно не мертвым,
Это надо живым.

Казалось бы, это так просто - помнить. Но не для всех, увы, эта задача оказалась посильной. Полтора десятка лет назад прекрасный, героический и лиричный, роман Александра Александровича Фадеева "Молодая гвардия" исчез из школьного курса литературы и, что еще печальнее, из круга любимого чтения молодежи. А ведь долгие годы этот роман, созданный в конце Великой Отечественной войны, был настольной книгой советской молодежи, судьбы молодогвардейцев служили нравственным ориентиром для молодых людей нескольких поколений!..

Так неужели это так трудно - помнить тех, благодаря которым мы живем на земле?!

Сегодня нам и предстоит это выяснить.

Юноша-чтец. Это было в Краснодоне,
В грозном зареве войны,
Комсомольское подполье
Поднялось за честь страны.

А где же находится город Краснодон?

Краснодон - небольшой украинский городок, один из районных центров области, которая теперь называется Луганской, а прежде звалась Ворошиловградской. А еще этот край традиционно называется Донбассом. Донбасс - сокращение слов Донецкий бассейн. На многочисленных шахтах Донбасса добывается уголь.

Донбасс - край шахтеров, физически и духовно сильных людей, привычных к тяжелому и опасному труду, гордых, ценящих товарищество, коллективизм. Среди таких людей выросли будущие молодоговардейцы.

Работать на шахты Донбасса ехали люди со всей страны, украинцы, русские, молдаване, армяне... С Орловщины приехали в Краснодон семьи Самошиных, Минаевых, Полянских... Приехала и многодетная семья Тюлениных с годовалым младшим сыном Сережей...

Аудиофрагмент: песня "Спят курганы темные"

Девушка-чтец: Город Краснодон и близлежащие поселки - Краснодон, Первомайка, Изварино - жили единой трудовой жизнью. Ребята и девчата города и поселков знали друг друга, у них были общие интересы, увлечения. Способные, целеустремленные, ребята обладали различными талантами. Юный техник Толя Орлов получил прозвище "Толька-инженер". Любу Шевцову, прекрасную танцовщицу и певицу, называли "Любкой-артисткой". Степан Сафонов увлекался астрономией и мечтал о том удивительном времени, когда человек сможет отправиться в космическое путешествие. Лида Андросова весь свой досуг посвящала шитью, вышиванию. Сережа Тюленин мечтал стать летчиком, а пока что разводил породистых голубей. Олег Кошевой и Иван Земнухов писали стихи...

Юноша-чтец: Из стихотворения Ивана Земнухова.

Нет, нам не скучно и не грустно,
Нас не тревожит жизни путь.
Измен незнаемые чувства,
Нет, не волнуют нашу грудь...

... Нам чуждо к жизни отвращенье,
Чужда холодная тоска,
Бесплодной юности сомненья
И внутренняя пустота.

Нас радости прельщают мира,
И без боязни мы вперед
Взор устремляем, где вершина
Коммуны будущей зовет.

Они мечтали о большой, светлой, плодотворной жизни. Но время, когда они выросли, было тревожным - по всему миру начал наступление фашизм. И ребята сознательно готовили себя к подвигу.

Девушка-чтец: В своем дневнике Ульяна Громова записывала понравившиеся ей фразы из книг. Есть в дневнике такие слова Лермонтова: "Что может противостоять твердой воле человека? Воля заключает в себе всю душу, хотеть - значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, жить; одним словом, воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь, творческая власть, которая из ничего делает чудеса!.."

Юноша-чтец: А когда началась война, они, не достигшие еще возраста защитников Отечества, сражались за родину на трудовом фронте: работали в совхозе, на шахтах, в военном госпитале, находившемся тогда в Краснодоне, в Центральных электромеханических мастерских...

А некоторые завтрашние молодогвардейцы, те, кто был постарше, воевали в рядах Красной Армии. Офицером был будущий командир "Молодой гвардии" Иван Туркенич, попал в окружение, вернулся домой, в Краснодон, где ему и его товарищам предстояло совершить подвиг во имя Отчизны...

Юноша-чтец: В 1942 году, перед самой оккупацией Краснодона, будущий молодогвардеец Анатолий Попов написал в школьном сочинении на тему "Я люблю свою Родину".

Девушка-чтец: Летом 1942 года Краснодон был оккупирован. Немецкие солдаты вели себя в городе, как хозяева. Поселившись в понравившемся доме, вынуждали жильцов ютиться в сарае. Грабили без всякого стеснения. А чтобы население не роптало, с первых же дней установили жесткие военные порядки.

Несколько недель спустя весь город потрясло неслыханное злодеяние оккупантов. И хоть совершалось оно

под покровом ночи, весь город узнал о нем. В городском парке были заживо похоронены 32 краснодонца. Среди них - шахтеры и советские служащие, люди, которых знал и уважал весь Краснодон. Их руки были накрепко обмотаны проволокой. Молодую женщину заживо похоронили вместе с младенцем. Были среди погибших и те, кого оставили в Краснодоне для организации сопротивления оккупантам.

Юноша-чтец: Фашистские палачи рассчитывали запугать краснодонцев. Но просчитались. Глухое возмущение так называемым "новым порядком" превратилось в героическое сопротивление. Молодежь Краснодона и окрестных поселков и прежде тайно обсуждала возможность борьбы. Но многие приняли окончательное решение именно тогда, когда узнали о казни тридцати двух патриотов. С этой трагической ночи можно исчислять историю "Молодой гвардии" Краснодона. Разрозненные молодежные группы быстро объединились в большую организацию, насчитывавшую более ста человек. Командиром организации стал лейтенант Иван Туркенич, комиссаром - Виктор Третьякевич, а затем - Олег Кошевой. Название предложил Сергей Тюленин, и другие охотно согласились, потому что все ребята знали и любили боевую, героическую песню "Молодая гвардия".

Аудиофрагмент: песня "Молодая гвардия"

Вступая в ряды "Молодой гвардии", юноши и девушки давали торжественную клятву.

Видеофрагмент из к/ф "Молодая гвардия" - клятва

Юноша-чтец: "Молодая гвардия" установила связь со "взрослым", коммунистическим, подпольем, а потом - и с партизанами. Все в организации было организовано по военному принципу: командир, комиссар, штаб, связные... А работать в подполье невозможно было без соблюдения конспирации, ведь за любое действие, предпринятое молодогвардейцами, можно было поплатиться жизнью. Каждый день жизни молодогвардейцев был подвигом. Тайно собрав несколько радиоприемников, ребята слушали и записывали сводки Совинформбюро, чтобы потом печатать листовки и распространять их по городу. Молодогвардейцы

даже создали свою типографию - собрали на развалинах городской типографии буквы - шрифты, сами изобрели состав краски, раздобыли бумагу...

Девушка-чтец: Оккупанты надеялись воспользоваться дарами щедрого края. Но герои-подпольщики жгли зерно, предназначенное для отправки в Германию. Благодаря диверсиям на шахтах и на железной дороге, за все время оккупации фашисты не вывезли в Германию ни одного состава с углем...

Молодогвардейцы организовывали военнопленным побег и помогали им уйти к партизанам...

Юноша-чтец: А в канун праздника 7 Ноября - дня Великой Октябрьской Социалистической революции - молодогвардейцы ночью укрепили красные флаги на самых заметных зданиях в городе. Город ликовал - подпольщики борются с оккупантами! Оккупационные власти были в гневе, но снять флаги решились далеко не сразу: рядом с флагами красовались таблички: "Заминировано".

Девушка-чтец: На всех оккупированных территориях фашистами были созданы так называемые "биржи труда", через которые осуществлялся угон в Германию мирных жителей, часто - на верную смерть. Молодогвардейцы решили, что не позволят оккупантам угонять краснодонцев в немецкое рабство. И биржа с готовыми уже списками обреченных была сожжена.

Видеофрагмент из к/ф "Молодая гвардия" - поджог биржи труда

Юноша-чтец: Молодогвардейцы любили замечательную шахтерскую песню "Спят курганы темные". На ее мотив были написаны новые, боевые, слова:

Над землей богатою,
Над родною хатою
С бандою проклятою
Мы вступаем в бой.
И за волю-вольную,
За страну раздольную
Вышел в степь донецкую

Парень молодой.

Ах ты, степь родимая,
Степь непобедимая,
Сильными и твердыми
Ты растила нас.
Всей семьей шахтерскою
На чуму заморскую
За просторы гордые
Выйдем в этот час!

Ведущий: Чем активнее действовали подпольщики, тем больше сил бросали оккупационные власти на их поиски. И вот в организацию внедрен был провокатор - Геннадий Почепцов, который выдал все, что мог и предал молодогвардейцев.

Аресты начались в новогодний праздник - 1 января 1943 года. В тюрьмы были брошены не только молодогвардейцы, но и их семьи. Штаб дал приказ оставшимся на свободе спешно уходить из города. Но уйти успели немногие. Комиссара "Молодой гвардии" Олега Кошевого схватили по пути из Краснодона.

Оставшиеся на свободе молодогвардейцы, верные своим товарищам и своей клятве, не прекращали попыток освободить своих товарищей и до последней минуты не теряли надежды. Сергей Тюленин успешно перешел линию фронта - но вернулся в Краснодон. Группа, во главе которой стояли Юрий Виценовский и Анна Сопова, пыталась организовать пленным побег, но сама была арестована.

Пытки, которым в течение целого месяца подвергали молодогвардейцев, страшно представить. Но предателей среди них не нашлось.

Молодогвардейцы слышали нарастающий грохот артиллерии, гул самолетов, возвещавший скорое освобождение Краснодона. Но они понимали, что вряд ли доживут до того дня, который приближали с таким героизмом.

Что чувствовали молодогвардейцы перед казнью? Александр Александрович Фадеев так представил это в романе "Молодая гвардия": "Уля, полулежа на боку, прислонившись к стене головой, выстукивала соседям-мальчишкам:

- Ребята, слышите, слышите?.. Крепитесь... Наши идут... Все равно наши идут..."

А поэт Михаил Исаковский написал стихотворение, которое называется "Слушайте товарищи!".

Девушка-чтец. Слушайте, товарищи!
Наши дни кончаются,
Мы закрыты, заперты
С четырех сторон.
Слушайте, товарищи!
Говорит, прощается
"Молодая гвардия",
Город Краснодон.
Все, что нам положено,
Пройдено, исхожено,
Мало их осталось,
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,
Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Скоро поведут.
Знаем мы, товарищи,
Нас никто не вызволит,
Знаем, что насильники
Довершат свое.
Но когда б вернулася
Юность наша сызнова,
Мы бы вновь за Родину
Отдали ее.
Слушайте ж, товарищи!
Все, что мы не сделали,
Все, что не успели мы
На пути своем
В ваши руки крепкие,
В ваши руки смелые,
В руки комсомольские
Мы передаем.
Мстите за обиженных,
Мстите за униженных,
Душегубу подлому
Мстите каждый час,
Мстите за поруганных,
За убитых, угнанных,
За себя, товарищи,
И за всех за нас!
Пусть насильник мечется

В страхе и отчаянье,
Пусть своей Неметчины
Не увидит он.
Это завещает вам
В скорбный час прощания
"Молодая гвардия",
Город Краснодон.

Ведущий: Три ночи, 15, 16, а потом 31 января, фашисты казнили молодогвардейцев и их старших товарищей, сбрасывая в шурф шахты N 5 глубиной несколько десятков метров не только расстрелянных, но и живых. Потом немцы спустили в шурф две тяжелые вагонетки. Но жители Краснодона потом вспоминали: еще трое суток после завершения казней из шурфа доносились стоны...

Пятерых молодогвардейцев, в том числе руководителей организации Олега Кошевого и Любовь Шевцову, увезли в населенный пункт Ровеньки, в тюрьму, где продолжали истязать и расстреляли перед самым освобождением.

Краснодон освободили в феврале 1943 года - и о подвиге молодогвардейцев узнала вся страна - благодаря газетным публикациям, а потом и роману Александра Александровича Фадеева. Могла ли предположить Ульяна Громова, что Фадеев, автор ее любимого романа "Разгром", посвященного героям Гражданской войны, посвятит ей и ее друзьям самый знаменитый свой роман, который будет называться "Молодая гвардия"?!

Ведущий: Из ста трех молодогвардейцев в живых осталось лишь одиннадцать, а до конца войны дожили семеро. Четверо, в том числе и командир "Молодой гвардии" Иван Туркенич, погибли, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны.

Старшему из молодогвардейцев, Михаилу Шищенко, было 25 лет, младшему, Радию Юркину, - 14 лет.

До последнего вдоха был верен памяти товарищей Радий Петрович Юркин. Военный летчик, он после выхода в отставку вернулся в Краснодон. Последнее место работы - музей "Молодая гвардия". Он умер совсем еще молодым от сердечного приступа во время интервью корреспонденту одной из украинских газет.

А роман о подвиге его товарищей, роман, героем которого был четырнадцатилетний Радик Юркин, долгие годы оставался любимой книгой поколений советской молодежи.

ТЕРРИТОРИЯ ЧТЕНИЯ

Выпуск 9

ЮБИЛЕИ И ЮБИЛЯРЫ
2016 года

Ответственная за выпуск – И.А. Грищук

Составитель – И.А. Гетажаева

Дизайн и вёрстка – И.А. Гетажаева

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ СЛЕПЫХ»

2015